

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

КОНВЕРГЕНЦИЯ И ДИВЕРГЕНЦИЯ
В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА – БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Часть II

Санкт-Петербург
1995

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Выпуск 25 (II)

Редакционная коллегия: В. С. Бочкарев (отв. редактор),
Л. Б. Кирчо, В. М. Массон, М. Б. Рысин
Составитель дискуссии: И. В. Семенова

Издано при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект 06-95-18932

ISBN 5-201-01171-3-2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

КОНВЕРГЕНЦИЯ И ДИВЕРГЕНЦИЯ
В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА – БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Часть II

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ И ДИСКУССИИ
21–25 АВГУСТА 1995 ГОДА, САРАТОВ

Санкт-Петербург
1995

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF
MATERIAL CULTURE
STATE UNIVERSITY OF SARATOV

CONVERGENCE AND DIVERGENCE
IN THE DEVELOPMENT OF CHALCOLITIC
– BRONZE AGE CULTURES IN MIDDLE
AND EASTERN EUROPE

Part II

MEETING PAPERS AND DISCUSSION
AUGUST 21–25, 1995, SARATOV

St.-Petersburg
1995

ОТ РЕДАКЦИИ

С 21 по 25 августа 1995 г. в г. Саратове прошла международная конференция “Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы”. Она была организована ИИМК РАН и Саратовским Государственным университетом при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. В ее работе приняли участие специалисты из России и Украины. Тезисы их докладов были опубликованы в июле 1995 г. в виде отдельной брошюры. В настоящий сборник вошли протоколы заседаний конференции, а также три доклада которые по разным причинам не были изданы ранее. Редакция надеется, что выход в свет двух сборников с материалами саратовской конференции позволит читателям составить более полное представление о результатах ее работы.

Список участников конференции:

- И. Л. Алексеева (ОГАМ НАН Украины, Одесса)
Ю. Е. Березкин (ИИМК РАН, С.-Петербург)
В. И. Беседин (ВГУ, Воронеж)
В. С. Бочкарев (ИИМК РАН, С.-Петербург)
С. Н. Братченко (ИА НАН Украины, Киев)
Т. Ф. Букина (СГУ, Саратов)
Н. В. Виноградов (ЧГПИ, Челябинск)
В. Н. Горбов (ДТЮ, Донецк)
Т. М. Гусенцова (ДТЮ, С.-Петербург)
И. И. Дремов (Дирекция по охране памятников, Саратов)
О. В. Дубинец (ДГУ, Донецк)
Е. В. Кабанова (СГУ, Саратов)
В. Т. Ковалева (УГУ, Екатеринбург)
Г. Ф. Коробкова (ИИМК РАН, С.-Петербург)
Е. Е. Кузьмина (РИК МК РФ, Москва)
О. В. Кузьмина (СГПИ, Самара)
К. Х. Кушнарера (ИИМК РАН, С.-Петербург)
Р. А. Литвиненко (ДГУ, Донецк)
Н. М. Малов (СГУ, Саратов)
Ю. П. Матвеев (ВГУ, Воронеж)
В. М. Массон (ИИМК РАН, С.-Петербург)
В. Г. Миронов (СГУ, Саратов)
И. И. Мовчан (ИА НАН Украины, Киев)
В. Г. Петренко (ОГАМ НАН Украины, Одесса)
Г. Н. Поллевко (ИИМК РАН, С.-Петербург)
А. Д. Пряхин (ВГУ, Воронеж)
С. А. Рагимова (СГУ, Саратов)
Ю. Я. Рассамакин (ИА НАН Украины, Киев)
А. Д. Резепкин (ИИМК РАН, С.-Петербург)
Н. В. Риндюк (ГЭ, С.-Петербург)
М. Б. Рысин (ИИМК РАН, С.-Петербург)
И. В. Семенова (краев. музей, г. Энгельс)
О. В. Сергеева (СГУ, Саратов)
Н. Н. Скакун (ИИМК РАН, С.-Петербург)

- А. Н. Усачук (ДТЮ, Донецк)
В. В. Филипченко (СГУ, Саратов)
Е. В. Цвек (ИА НАН Украины, Киев)
Е. И. Четвериков (СГУ, Саратов)
А. А. Чистикин (СГУ, Саратов)
И. А. Чубатенко (ДГУ, Донецк)
А. В. Шаманаев (УГУ, Екатеринбург)
Э. С. Шарафутдинова (ИИМК РАН, С.-Петербург)

С. Н. БРАТЧЕНКО
(КИЕВ)

ПРЯЖКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ИХ СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ФОРМЫ

Одной из достопримечательностей раннего периода эпохи поздней бронзы Юга Восточной Европы является распространение роговых и костяных пряжек, выступающих зачастую единственной, хотя и нечастой, избирательной категорией инвентаря в погребениях.

В свое время они были известны только на Украине и относились к позднесрубной культуре, а после выделения культуры Бабино (многоваликовой керамики – КМК) преимущественно к ней (Отрощенко 1978:34; Савва 1988:57–67; 1992:41,119–136,161–168; Елиссев, Ключинцев 1982:71). Именно в этой последней они получили наибольшее распространение и разнообразие форм, а отдельные находки этих предметов отмечены и в соседних культурах. Уже один этот интегрирующий межкультурный фактор, важный для хронологических построений (помимо прочих) придает особое значение этой категории изделий и объясняет повышенный исследовательский интерес к этим феноменам и определенным символам эпохи.

Еще недавно казалось, что все формы пряжек уже выявлены, повторяются в новых материалах, создана их типология, намечена эволюция и территориальное распространение (хотя во всем объеме они не собраны, за исклю-

чением окраинных регионов). Однако за последнее десятилетие сведения об этих предметах и их ареале существенно расширились. Помимо хорошо известных и массовых кольцевидных пряжек из кости с боковым отверстием выявлены более ранние формы: простые кольцевые, кольцевые с бортиком и дисковидно-планочные (рис.1:1–3,6; Гершкович 1986:132–143) *. Стали известны и редкие типы, родственные массовым кольцевидным: ромбические и с тремя выступами (рис.1:4,5; Северскодонетчина и Среднее Поволжье – Гершкович 1982: рис.5; Петров 1983: рис.1; Скарбовенко 1981:17). Важно отметить выявление значительного количества пряжек – кольцевых и кольцевидных с боковым отверстием – не только в центральных районах культуры Бабино, но и на периферии, в Днестро-Прутском междуречье, соседней Румынии, в Среднем Поднепровье и Среднем правобережном Поволжье (здесь 1 экз. – Монахов 1984:241). Всего их по приблизительным оценкам не менее 300.

Открыты они и в соседних культурах, как с запада (Монтеору, Перьямош, стжижовская – Савва 1992:133,164; Вопа 1975:102; Свяшников 1974:137), так и с востока, в Среднем Подонье, Среднем и Нижнем Поволжье и на Южном Урале. В этих регионах это поздние абашевские, абашевско-срубные – по А. Д. Пряжину – или раннесрубные памятники, а также синташтинские (Пряжин, Матвеев 1988:129–132; Петров 1983:118; В. Ф. Генинг, Зданович, В. В. Генинг: рис.49:5).

В стороне от рассматриваемой темы оставался Северный Кавказ. Лишь недавно горизонт погребений культуры Бабино (КМК), в том числе с интересующими нас предметами, выделен и в северных районах региона – на Нижнем

* Пряжки ("запонки") обнаружены еще В. А. Городцовым в начале столетия, однако ввиду отсутствия их графического воспроизведения в публикациях, оставались неизвестными вплоть до 70-х гг., когда их рисунки были найдены нами в альбомах полевых зарисовок автора, хранящихся в ГИМ. В это же время они были открыты и при новых раскопках.

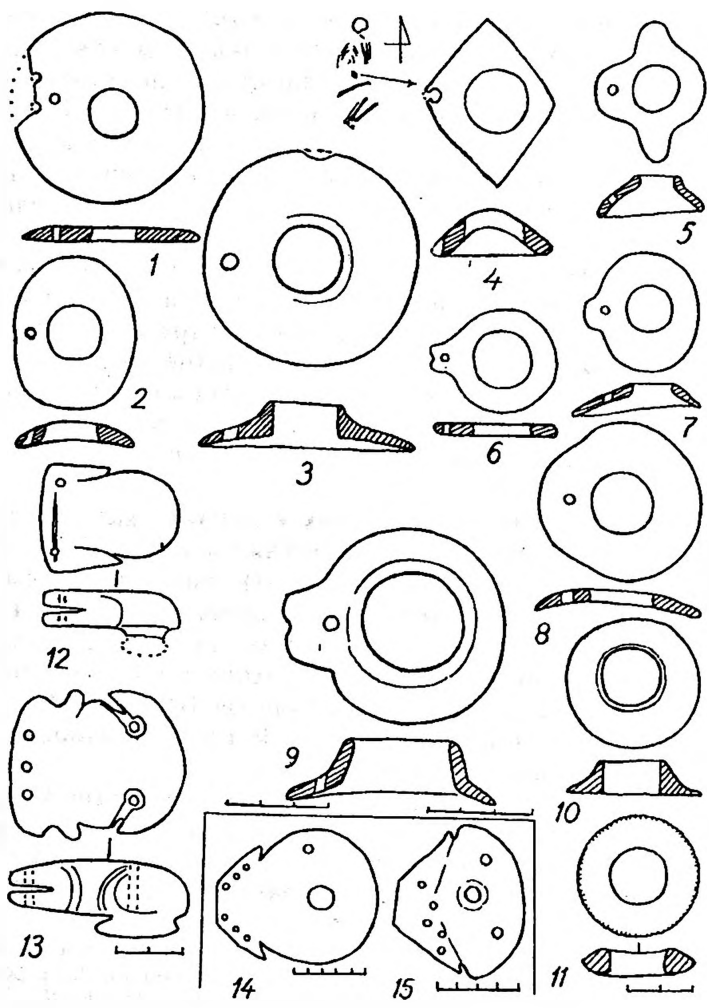

Рис.1. Костяные и роговые пряжки и псалии: 1 – Орлиное болото 2/1, 2 – Александровск 1/1, 3 – Фрикацей 1/9, 4 – Пришиб 2/23, 5 – Новопавловка 5/1, 6 – Чурилово 5/1, 7 – Боровковка 1/12, 8 – Вильно–Грушевка 2/5, 9 – Старый Крым 196/4, 10 – Приволье 7/4, 11 – Октябрьское 6/5, 12 – Александровск 1/4, 13 – Донецк, Текстильщик 4/19; 14 – Шпаковка, Поляны; 15 – Синташта.

Маньгче и Сале (не менее 13 экз., кольцевые и с боковым отверстием) и в Кубанском Приазовье (1 экз. – Шарафудинова 1987:28,39–44; 1991:71; – рис.2:7,8,12).

Совершенно оригинальное костяное изделие стало известно и юго-восточнее, на Восточном Маньгче, благодаря публикации М. В. Андреевой (1986:231–234). Оно найдено в основном и единственном в кургане погребении Чограй VIII 38/1, совершенном в “н”-видной катакомбе. Погребенный в сильно скорченном положении на левом боку, головой к СВ, с кистями рук перед лицом, где находились изделие, 2 фрагмента керамики, с вотивной ручкой и с прочерченным орнаментом, и керамический цилиндрический предмет, полый до середины длины (рис.2:17). Изделие зооантропоморфной формы с выделенным кольцом и небольшим отверстием на конце, расположенным сбоку в иной плоскости. Отмечается заполированность у кольца и отверстия (здесь и протертость). Несмотря на оригинальность формы, ему все же можно указать более или менее близкие аналогии по системе расположения отверстий. Это, прежде всего, хорошо известные костяные “подвески” в виде кольца с длинной планкой и с малым отверстием на ее конце из Северо-Восточного Кавказа, а также Азербайджана. Они происходят из погребений в склепах 7 (2 экз.) и 30 могильника Гатын Кале (Марковин 1963:132, рис.5:25), захоронения 22 склепа 2 могильника Гинчи (Гаджиев 1969: рис.12:6, масштаб отсутствует) и погребения 18/1 у Ханлара (Гуммель 1940: фиг.30:15; 38:5). Первые три могилы относятся к позднему этапу культуры Гинчи. У большинства

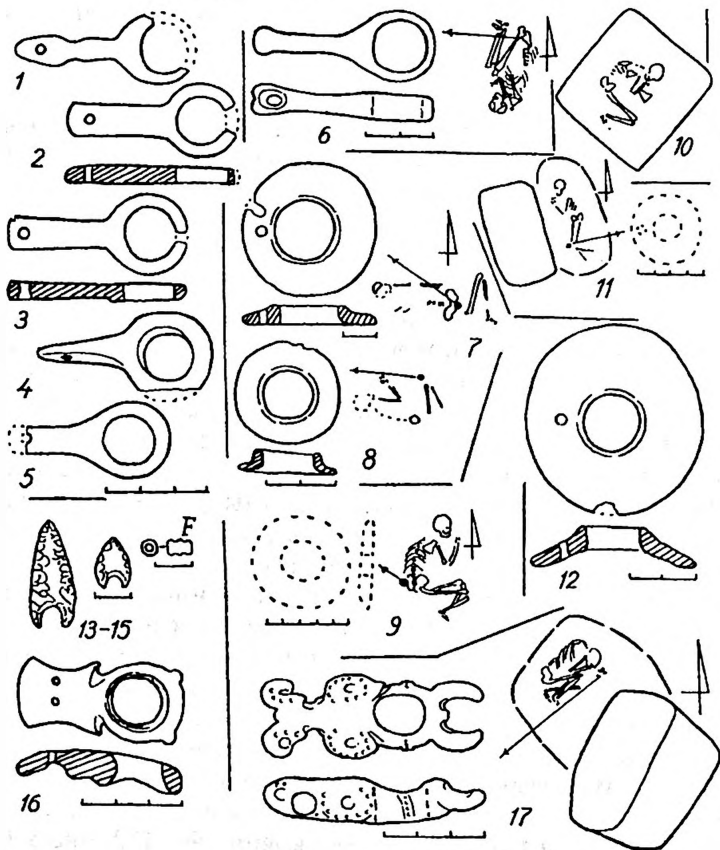

Рис. 2. Костяные и роговые пряжки Сзверного Кавказа: 1 — Гатын Кале, п.30; 2,3 — там же, п.7; 4 — Гинчи, п.22; 5 — Ханлар, п.8/1; 6 — Ливенцовская крепость, п.6; 7,8 — Кудинов 2/3, 2/15; 9—11 — Чограй I 32/3, 30/3, 42/6; 12 — Батуриная I 5/2* 13—16 — Ирганайский 1/1; 17 — Чограй VIII 34/1.

экземпляров малое отверстие находится в той же фронтальной плоскости, что и кольцо и лишь у образца из Гинчи оно расположено сбоку, как у чограйского изделия (рис.2:1—5). Эти предметы находились среди смещенных костяков и инвентаря в склепах и условно названы подвесками, очевидно, по аналогии с известными среднебронзовыми медальонами. Их подлинное назначение проясняет контекст одного неопубликованного погребения из наших раскопок Ливенцовской крепости в низовьях Дона (Братченко 1965, отчет). Здесь подобное изделие находилось под костями таза, т. е. там же, где и обычные пряжки (чаще всего — у живота, реже — перед грудью). Погребенный сильно скорчен на левом боку, ориентирован к Ю (рис.2:6). Погребение устроено на руинах крепости, в заполнении рва, у самого дна, т. е. после прекращения ее функционирования, однако, до полного разрушения. Оно может быть атрибуировано поздним периодом культуры Бабино или каменско-ливенцовской группы.

Соответствие в общих размерах ливенцовского изделия и вышеприведенных колец с планкой (длина — 5—5,4 см, диаметр кольца — 2—2,5 см), как и чограйской находки (соответственно 6,7 и 2,4 см) указывает на принадлежность их и одной серии функционально близких предметов. Различия между ними лишь в разном расположении малого отверстия и соответственно способе крепления: в одной, фронтальной плоскости с кольцом и в другой, сбоку. К последним относятся изделия из Ливенцовки, Гинчи, Чограя. В первом случае один конец ремня закреплялся за кольцо и малое отверстие “намертво”, а другой, свободный — за кольцо, т. е. так же, как и у обычных массовых

кольцевидных пряжек (у тех и других наблюдаются разрывы у отверстий). Во втором случае крепление отчасти аналогично, но с иным способом прикрепления ремня к планке, очевидно, путем охвата-обмотки последних ремешком. Возможно также и прикрепление здесь, через беловое отверстие, особого ремня (наплечного?), направленного перпендикулярно к основному. Для чограйского изделия не исключается и наличие двух параллельных узких ремней при вертикальной его позиции (как зооантропоморфной фигурки).

Еще одно не менее оригинальное изделие, но с известными уже атрибутами открыто недавно в Дагестане, в погребении 1/1 Иргананского могильника (Магамедов 990:41—49, рис.1:2), совершенное в склепе со смешенными останками погребенных и инвентарем (рис.2:13—16). Среди последнего сосуд с росписью, относящийся к переходному периоду от средней к поздней бронзе. Дата комплекса определяется II четвертью II тыс. до н. э., чему не противоречат и остальные материалы, в частности, фаянсовые сегментированные бусы и наконечники стрел с арочными выемками, примечательные для соседних верхнекубанских катакомбных и более северных донских и украинских позднекатакомбных и, в особенности, бабинских и ливенцовских памятников.

Изделие из рога в форме кольца и примыкающей к нему планки с желобками и двумя отверстиями в той же плоскости, что и кольцо. Оно интересно как внешней формой, так и атрибутами крепления ремня, близкими, с одной стороны, к чограйскому изделию (кольцо с выступами, зауженность планки в месте отверстий), а с другой — к дисковидно-планочным пряжкам Украины. Однако, у последних свободный конец ремня закреплялся на пуговичном выступе в диске, а здесь через кольцо, как у чограйского предмета и всех прочих пряжках, в том числе и выше приведенных кольцевидно-планочных.

Итак, в Восточном Приманычье и на Северо-Восточ-

ном Кавказе выделяются новые формы пряжек: кольцевидно-широкопланочные (Ирганан, Чограй) и кольцевидно-узкопланочные (Гатын-Кале, Гинчи, Ханлар). Один образец последних встречен и в низовьях Дона.

Помимо этих форм, в Восточном Приманычье еще в 60-е гг. были найдены и обычные круглые пряжки. Однако, ввиду отсутствия их графических воспроизведений в отчетах и последующих публикациях, они остаются неизвестными для многих (как в свое время и нам при написании монографии по Нижнему Подопью). Сохранилась только словесная их характеристика: “костяные бляшки”, “бляшки из кости черепа человека” с отверстием в середине (3 экз.) и с “просверленной дырочкой у края” (1 экз.). Они происходят из не менее, чем 4 погребений: Чограй I, 1965 г., 30/1, 32/3, 37/2, 42/6 (Синицын, 1978:39,40,43,45, табл.38,5; 42,16). Первые два погребения — в насыпи, третье — в яме в материке (основное), последнее — впускное на краю насыпи, в “н”-видной катакомбе (в центре — северокавказское и катакомбное погребения). Погребенные — в скорченном положении на левом боку (в катакомбе — на правом); ноги — под прямым углом в тазобедренном суставе (в катакомбе — под тупым), кисти рук — перед лицом (3 случая) или на животе. Ориентировка головой к С, СЗ, В. Сосуды, как и прочий инвентарь, в захоронениях отсутствовали и лишь в одном (погр.42/6) на черепе находилась бляха из раковины диаметром 3 см, а в другом — лопатка животного. Месторасположение пряжек обычное: у таза, коленей, перед лицом — рис.2:9—11). Эти захоронения по обряду относятся к довольно значительной группе погребений в насыпях, ямах, а частично и катакомбах (впускные и основные), чаще всего без инвентаря. Они характеризуются скорченным положением погребенных на левом, реже правом боку (скорченность под прямым, острым, изредка тупым углом), с кистями рук перед лицом, реже на животе и ориентировка к З, СЗ, С, Ю, ЮВ, и отчасти к В, и СВ. Их культурная атрибуция определялась по-разному: пред-

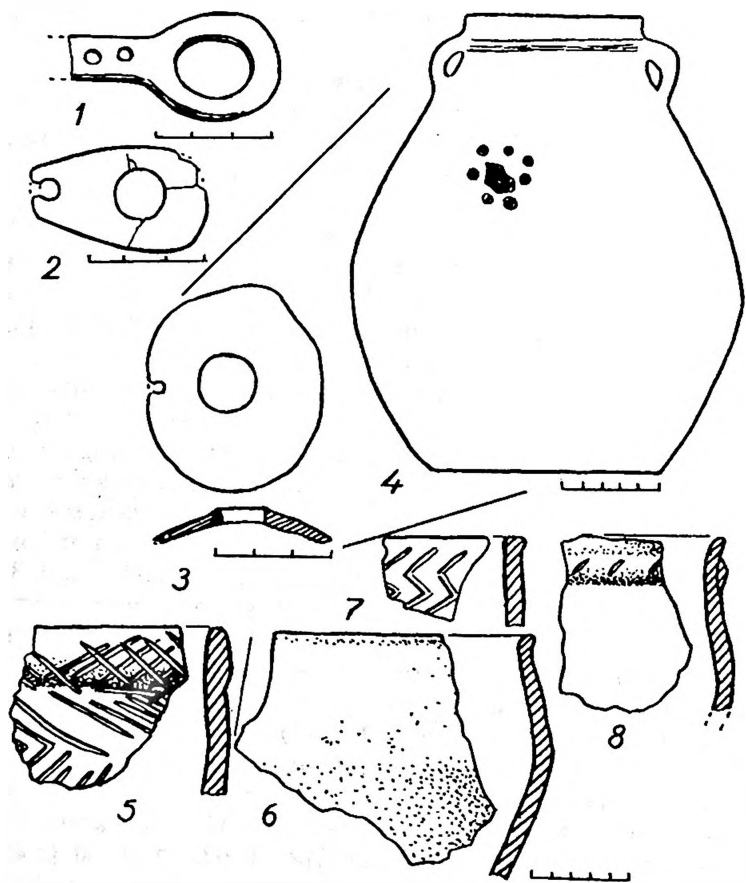

Рис. 3. Костяные пряжки, амфора и керамика поселений: 1 — Бранчи, п.298; 2 — Алгаши 1/1; 3,4 — Жорнив 1/2; 5 — Кировский II; 6—8 — Кировский I.

кавказская катакомбная культура позднего периода по И. В. Синицыну и У. Э. Эрдниеву (1966:24), частично эта последняя (группа в катакомбах) со срубными влияниями, а в большинстве — срубная культура (Иерусалимская 1958, с.43; Сафронов 1974:103—118). Однако, такая интерпретация относилась ко времени, когда погребальной обряд культуры Бабино был еще недостаточно выявлен, а пряжки традиционно считались срубными. На современном этапе изучения представляется, что комплекс признаков обряда, включая и редкость инвентаря, а также и немногочисленный типологический облик последнего (пряжки, черпаки, обломки сосудов с ручками с прочерченным орнаментом) свидетельствуют об обособленном положении этих захоронений. Очевидно, большинство их представляет культурное явление, параллельное с культурой Бабино и каменско-ливенцовской группой, но сохранившее определенную связь с местной подосновой (как, впрочем, и другие локальные группы). Она усматривается в катакомбах, в положении погребенных на левом боку (что совпадает с обрядом эпохи) и в относительной частотности сосудов с налепами-выступами и ручкой (таковых 4 на, примерно 10 — не все изданы). Хотя последние и отличаются в деталях от местной катакомбной керамики, однако, именно в ней формы с ручками белее всего доминируют. Как редкие типы они отмечены и в культуре Бабино, в том числе на Нижнем Дону (Братченко 1976: рис.61,2 и неопубликованная амфорка из Ливенцовского могильника I).

В бабинском погребении Нижнебараниковка 1/10 встречен и обломок керамической трубки, близкий к тому, что находился в захоронении Чограй VIII 38/1 (Братченко, Гершкович, Самойленко и др., 1977, отчет).

Вместе с тем, часть захоронений с ориентировкой к В

и СВ, сопровождавшиеся банками, безусловно, позднесрубной принадлежности. Таковые в последнее время выявлены на соседних территориях, в Кубанском Приазовье и Ставропольщине (Сорокина 1986:37; Шарафутдинова 1991:74–79), хотя соответствующие поселения остаются неизвестными. Укажем лишь на два поселения на р. Ея у хут. Кировского близ ст. Куцевской из наших разведок с В. Я. Кияшко в 1964 г. (коллекция музея "Танаис" — рис.3:5–8).

Выявление в Восточном Приманычье горизонта погребений, близких культуре Бабино, как и серии срубных захоронений, ставит и эту часть Предкавказья в один ряд с другими регионами в плане синхронности процесса культурогенеза и смены культур. Разумеется, утрачивает значение и предположение о доживании предкавказской катакомбной культуры чуть ли не до конца II тыс. до н. э. или до середины позднебронзового периода (Синицын, Эрдниев 1966:24; Иерусалимская 1958:45; Братченко 1976:148–153* — сейчас оно может быть определено около 1800–1700 гг. до н. э.). На это обстоятельство в отношении памятников левобережья Дона после выделения здесь бабинских погребений (Шарафутдинова 1987:28–45) уже обращалось внимание (Отрошенко 1990:76).

Подводя итоги в изучении пряжек, отметим следующее. Достаточно надежно установлено, что самыми ранними являются изделия из рога, реже кости — дисковидно-планочные и кольцевые (известны в одних комплексах). Первые близки по форме, а отчасти и атрибутам крепления дисковидным псалям с планкой в классификации Е. Е. Кузьминой (Шпаковка, Утевка, Синтанты — рис.1:12–15)

* Как и А. А. Иерусалимская мы основывались на отсутствии в регионе раннесрубных захоронений и на сближении позднекатакомбных ножей с боковыми выемками с раннесрубными орудиями с намечающимся перекрестием. Однако таковые теперь известны и в более ранних комплексах: раннекатакомбных и ямных. Речь идет о длительном периоде выработки формы, которая стала доминирующей в срубной культуре.

и им лучше подходит приведенное название (их называют еще фигурными или зооморфными). Все пряжки происходят из погребений центральных районов культуры Бабино – Северскодонстчина, Северное Приазовье и Нижнее Поднепровье (левоберезье). К известному уже списку из 8 комплексов (9 экз.) добавим еще два из новых раскопок – из первого и последнего регионов (Кульбака, Гнатко 1991, отчет; Ковалева, Андросов, Шалобудов и др. 1987:20, рис. 6). Погребенные во всех случаях ориентированы к 3 и характеризуются преобладанием слабой скорченности с одной вытянутой рукой, а второй – согнутой, с кистью на животе (реже – перед грудью–лицом), т. е. ранними признаками по наблюдениям И. А. Пислария, О. Р. Дубовской и др. (Савва 1992:124–133; Шарафутдинова 1987:39). В позиции рук сказывается близость к катакомбному обряду.

Вторые, кольцевые пряжки распространены на всей территории культуры, в том числе и на Северном Кавказе, в восточноманьчской группе и на ее восточной периферии, на правобережье Волги (1 экз. – Монахов 1984:231). Погребения преимущественно те же по обряду, что и выше рассмотренные, однако отмечена и сильная скорченность; и позиция кистей рук перед грудью–лицом, и иная ориентация, включая к В (как будто в периферийных районах). Из соседних культур находки этих пряжек отмечены только в культуре Монтеору фазы IC3 (Савва 1992:133,164) и Перьямош (группы Серег 1–3 – Вона, 1975:102, taf.85,87,123, сопровождалась фаянсовыми бусами, сегментированными и с четырьмя выступами).

Третий тип – костяные пряжки кольцевые с бортиком – относятся к переходному типу между вторыми и массовыми кольцевидными с боковым отверстием. Распространены там же, что и предыдущий второй тип и лишь один образец встречен в абашевском (раннесрубном) погребении на Среднем Дону (Пряхин, Матвеев 1988:129, рис.53,3).

Массовые кольцевидные пряжки с боковым отверстием

(включая и овальные, и подпрямоугольно-округленные — все из кости) относятся к позднейшим предметам в культуре Бабино. Связанные с ними погребения характеризуются преимущественно сильной скорченностью погребенных, ориентированных к В, СВ, С, ЮВ (но есть и к З), с позицией кистей рук перед грудью—лицом. Отмечены захоронения в "н"- и восьмерковидных катакомбах. Показательно не только возросшее количество пряжек, но и расширение их ареала. Из приводившегося выше числа (не менее 300 экз.) большинство относится к данному типу. Они встречены в близких к Бабино культурных группах, каменско-ливенцовской (Каменка), кубано-приазовской и восточноманьчской (в каждой по 1 экз.), а также таких культурах, как упоминавшиеся Монтеору фаз IC3—IA, Пс-рямош, стжижовская (1 экз. — рис.3:3,4) и раннесрубная (абашевско-срубная по А. Д. Пряхину). При этом их количество в последней стало значительно — около 20 экз. (в Среднем Подонье — 7, в Среднем Поволжье — 10, в Нижнем — 3). Несколькими образцами представлены и редкие типы, родственные выше рассмотренным. Среди них — ромбические пряжки с боковым отверстием из раннесрубных погребений Среднего Поволжья и Северскодонетчины (здесь 1 экз. — рис.1:4, — Петров 1983: рис.1: Гершкович 1982: рис.5:3) и кольцевидные изделия с одним выступом (рис.1:6—9). Последние происходят из 3 погребений Нижнего Поднепровья — Приазовья (Телегин, Братченко, Смирнов 1977:109; Ковалева, Шалобудов 1992:112; Качалова 1974:19) и одного захоронения из Среднего Подонья (Пряхин, Матвеев 1988:131). Они атрибуируются поздним периодом культуры Бабино (первые 3 экз.) и раннесрубной культурой. К этой последней относится и комплекс с пряжкой с тремя выступами из Среднего Поволжья (рис.1:4: Скарбовенко 1981:17, рис.4:9).

Несомненный интерес представляет и овально-трапециевидное изделие ("амулет") с большим и малым отверстиями из могильника Бранчи нитрянской группы Слова-

кии (рис.3:2, — Vadar 1973:90,155, tab.XXXI:18).

Наконец, рассмотренная выше серия северокавказских пряжек представлена (помимо кольцевых и кольцевидных с боковым отверстием) кольцевидно-широкопланочными (2 экз.) и кольцевидно-узкопланочными (4 экз.) типами. Первые происходят из погребений восточноманьчской посткатакомбной группы (Чограй) и культуры Гинчи позднего этапа, к которой также относятся захоронения с 4 пряжками второго типа (не менее 2 экз. известны и в Азербайджане).

Кроме того, две кольцевидно-узкопланочные пряжки второго типа найдены севернее в позднем погребении культуры Бабино (или каменско-ливенцовской группы) на руинах Ливенцовской крепости и в абашевском погребении из северной части Среднего Поволжья (рис.3:1 — Ефименко, Третьяков 1964:57). Близка им и янтарная подвеска из Верхнего Поднепровья, хотя связь ее с костяными пряжками неясна. Однако комплекс из которого она происходит (бронзовые копье, топор, очковидная подвеска), соответствует эллинистическому (раннебронзовому — по центральноевропейской периодизации) периоду и позднешему горизонту среднеднепровской культуры, т. е. близок по времени к рассматриваемым пряжкам (Артеменко 1967: рис.47,30).

Можно лишь предполагать, что кольцевидно-широкопланочные изделия, по форме отчасти напоминающие дисковидно-планочные, более ранние, чем узкопланочные. На поздний возраст последних, возможно указывает ливенцовская находка и их общая структурная близость с массовыми кольцевидными пряжками, в особенности с редкими образцами с выступами (правда, боковое отверстие в этих последних чаще находится в пределах кольца, а не на планке). Близки и общие параметры предметов: 3,5–6,5 см — диаметр — для кольцевидных и 5–5,4x2–2,5 см для кольцевидно-узкопланочных, хотя диаметр кольца у последних всегда меньше (2–2,5см). Как бы то не было —

определенное сходство и соприкосновение ареалов тех и других изделий свидетельствует о параллельном развитии типов.

В заключении коснемся функциональной интерпретации предметов как пряжек, тем более, что высказаны определенные и обоснованные сомнения в этом в отношении кольцевых и массовых кольцевидных изделий с боковым отверстием (Елисеев, Ключинцев 1982:78; Савва 1988:65,66). Вместе с тем, не подлежит сомнению принадлежность к пряжкам роговых дисковидно-планочных изделий с яркими атрибутами крепления (паз для вставки ремня, отверстия, пуговичный выступ), а также в значительной степени и северокавказских кольцевидно-широкопланочных, как сходных с ними частично по форме и способу закрепления одного конца ремня. Эти достоверные пряжки находились при погребенных чаще всего у живота или у головы—груди, т. е. там же, где и кольцевые и массовые кольцевидные (в двух случаях даже рядом). Общие размеры всех этих изделий близки: 3—5,3х2,2—3,8 см, 5—6,7х2,5 см для первых и 2,5—6,5см (диаметр) для вторых (как и кольцевидно-узкопланочных — 5—5,4х2—2,5см).

Все это, как и заполированность и протертость предметов и нередкие "разрывы" у малого отверстия (есть экз. с двумя сломанными отверстиями и просверленным третьим) скорее подтверждает правильность определения их основной функции, как предметов крепления. Отмеченное разное расположение предметов (не только у живота), как и случаи совместного нахождения двух разнотипных изделий, свидетельствует, что это были не только поясные пряжки, но и застежки, запонки. Последние могли скреплять, например, плащи — в случае местонахождения у головы (такое зафиксировано и для дисковидно-планочных изделий, находившихся в одном захоронении даже в паре) — или быть соединительными звеньями наплечных и т. п. ремней. Известны эти изделия и из янтаря, раковин,

камня (но нет из бронзы).

Важно подчеркнуть, что все эти предметы крепления и несомненно определенные знаки социальной принадлежности погребенных стали важнейшим погребальным приданым эпохи, не характерным, как для предшествующих, так и последующих культур.

Интересен и ареал пряжек, с присоединением к которому Северо-Кавказского региона он в общем соответствует ареалу культуры Бабино (с родственными группами) и лишь несколько выходит за его пределы, в основном за счет массовых кольцевидных типов — позднейших в серии. Однако, и в таком расширенном виде эта территория удивительным образом совпадает с предшествующими культурными областями — ямной и катакомбной (с включением в блоки полтавкинских, предгорных северокавказских и катакомбных памятников Среднего Поднепровья). Исходя из этого и принимая во внимание определенное возрождение в погребальном обряде (и, очевидно, в целом в идеологии) культуры Бабино докатакомбных, старых позднейших традиций (к ним, разумеется относятся и виды погребального приданого — не типы), можно полагать, что и обычай сопровождения погребенных костяными и роговыми пряжками восходит к этим последним (а отчасти и к раннекатакомбным). Речь идет о молоточковидных роговых булавках, выступающих зачастую как окончания (хлястики) поясов или повязок, оснащенных, помимо блях, пронизиями, бусами, подвесками из зубов хищников или и ременными бронзовыми обоймами (запечатлены и на стелах), что хорошо показано С. Н. Кореневским (1986:35–41) на примере комплексов центрального Предкавказья, где бронзовые разновидности этих изделий бытуют и в катакомбное время. Подобное расположение наборов с булавками (у живота, бедра, перед грудью) обычное и в погребениях Украины и Подонья (до среднекатакомбного периода здесь доживают только редкие посоховидные и дуговидные бронзовые формы). Известны и

случаи, где в таких наборах булавки словно "заменены" костяной пряжкой-запонкой, близкой к известным сердцевидно-планочным пряжкам культур шнуровой керамики Центральной Европы.

В итоге, при таком направлении параллелей представляется возможным усматривать в позднебронзовых пряжках и запонках структурное возрождение в новых формах старых поясных и прочих наременных наборов с молоточковидными булавками.

- АНДРЕЕВА, М.В. 1986. Об одной зоантропоморфной фигурке из Ставрополя // Советская археология 2: 231–234.
- АРТЕМЕНКО, И.И. 1967. Племена Среднего и Верхнего Поднепровья в эпоху бронзы. Москва: Наука.
- БРАТЧЕНКО, С.Н. 1965. Отчет Ливенцовской экспедиции // Архив ИА РАН, р. 1.
1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка.
- БРАТЧЕНКО, С.Н., Я.Н.ГЕРШКОВИЧ, В.Г.САМОЙЛЕНКО. 1977. Отчет Донецкой экспедиции. // Архив ИА АН Украины, 1977/12а.
- ГАДЖИЕВ, М.И. 1969. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала: Институт истории языка и литературы АН СССР, Дагестанский филиал. —
- ГЕНИНГ, В.Ф., Г.Б.ЗДАНОВИЧ, В.В.ГЕНИНГ 1992. Синташта. Челябинск.
- ГЕРШКОВИЧ, Я.П. 1982. Культурно-хронологические группы погребенной эпохи средней–поздней бронзы у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины: 46–61. Киев: Наукова думка.
1986. Фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // Советская археология 2: 132–145.
- ГУММЕЛЬ, Я.И. 1940. Археологические очерки. Баку.
- ЕЛИСЕЕВ, В.Ф., В.Н.КЛЮШИНЦЕВ. 1982. Погребения с костяными пряжками в междуречье Ингульца и Тилигула // Материалы по хронологии археологических памятников Украины: 71–80. Киев: Наукова думка.
- ЕФИМЕНКО, П.П., П.Н.ТРЕТЬЯКОВ. 1961. Абашевская культура в Среднем Поволжье // Материалы и исследования по археологии СССР 97: 43–110.
- ИЕРУСАЛИМСКАЯ, А.А. 1958. О предкавказском варианте катакомбной культуры // Советская археология 2: 34–48.

- КАЧАЛОВА, Н.К. 1974. Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранленбурга // Свод археологических источников В4-12.
- КОВАЛЕВА, И.Ф., А.В.АНДРОСОВ, В.Н.ШАЛОБУДОВ, Г.И.ШАХРОВ. 1987. Исследование курганов группы "Долгой Могилы" у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья: 5-27. Днепропетровск: ун-т.
- КОВАЛЕВА, И.Ф., В.Н.ШАЛОБУДОВ. 1992. Курган эпохи бронзы у с. Боровковка // Древности степного Причерноморья и Крыма: 105-114. Запорожье.
- КОРЕНЕВСКИЙ, С.Н. 1986. О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 185: 25-42.
- КУЛЬБАКА, В.К., И.И.ГНАТКО. 1991. Отчет Мариупольской экспедиции // Архив ИА АН Украины, 1991/Х.
- МАГОМЕДОВ, Р.Г. 1990. Фигурная костяная пряжка из Иргананского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана: 44-49. Махачкала: Институт истории языка и литературы АН СССР, Дагестанский филиал. —
- МАРКОВИН, В.И. 1963. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могилиник у с. Гатыш-Кале) // Древности Чечено-Ингушетии: 49-137. Москва: Наука.
- МОНАХОВ, С.Ю. 1984. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // Советская археология 1: 241-244.
- ОТРОЩЕНКО, В.В. 1978. О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками // Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг.: 34-35. Ужгород.
1990. Катакомбная общность — срубная общность: возможность контакта // Тезисы докладов. Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: 76-78. Запорожье: ун-т, ИА АН УССР.
- ПЕТРОВ, Ю.Э. 1983. Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы: 119-122. Куйбышев.
- ПРЯХИН, А.Д., Ю.П.МАТВЕЕВ. 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж: ун-т.
- ПРЯХИН, А.Д., В.И.БЕСЕДИН, Г.А.ЛЕВЫХ, Ю.П.МАТВЕЕВ. 1989. Кондрашкинский курган. Воронеж: ун-т.
- САВВА, Е.Н. 1988. Пряжки из погребений культуры многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья // Известия АН Молдавской ССР, серия общественных наук 3: 57-68. Кишнев: Штиница.
1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, Штиница.

- САФРОНОВ, В.А. 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников 7: 23–306. Москва: Знание.
- СВЕШНИКОВ, І.К. 1974. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тис. до н. е. Київ: Наукова думка.
- СИНИЦЫН, И.В. 1978. Древние памятники Восточного Маньчжа. Саратов: ун-т.
- СИНИЦЫН, И.В., У.Э.ЭРДНИЕВ. 1966. Новые археологические памятники на территории Калмышской АССР (по раскопкам 1962–63 гг.). Труды 2. Элиста: Калм. изд.
- СКАРБОВЕНКО, В.А. 1981. Погребения эпохи бронзы Новоавлавова курганного могиляника // Древние и средневековые культуры Поволжья: 5–26. Куйбышев: ун-т.
- СОРОКИНА, И.А. 1986. Погребения эпохи поздней бронзы в Западном Предкавказье // Археологические открытия на новостройках: 33–69. Москва: Наука.
- ТЕЛЕГИН, Д.Я., С.Н.БРАТЧЕНКО, С.В.СМИРНОВ. 1977. Вильно-Грушевская курганная группа и курган на территории Запорожской опытной сельхозстанции // Вильнянские курганы в днепровском Надпорожье: 97–126. Киев: Наукова думка.
- ШАРАФУТДИНОВА, Э.С. 1987. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья: 27–47. Днепрпетровск: ун-т.
1991. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья: 70–91. Ленинград: Наука.
- BONA, I. 1975. Die mittlere Bronzezeit Unqarns und ihre Südostlichen Beziehungen. Budapest.
- VLADAR, J. 1973. Pohrebiške se starei doby bronzovej v Branči. Bratislava.

О. В. КУЗЬМИНА
(САМАРА)

СООТНОШЕНИЕ АБАШЕВСКОЙ И ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУР

Актуальность предлагаемой для обсуждения темы определяется значительной территорией распространения памятников Покровской и Абашевской культур, широкими их исследованиями и необходимостью решения ряда связанных с ними проблем, в том числе, проблемы становления культур эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Историография вопроса о соотношении покровской культуры с абашевской обширна (Халиков, Лебединская, Герасимова 1966; Сальников 1967:132–135,144; Качалова 1976:5–17; Пряхин 1977:98–139; Кузьмина 1983; Горбунов 1992:186; Малов 1994). В данной работе анализируются абашевские и покровские памятники Волго-Уралья.

В основу работы был положен анализ погребальных памятников, но, вместе с тем, были учтены материалы поселений, кладов и случайные находки. Поставленная проблема решается через сравнение ведущих аспектов археологической культуры.

1. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Абашевская и покровская культуры характеризуются курганным погребальным обрядом, но курган, как погребальный памятник — это, фактически, единственная общая черта в анализируемых обрядах. Под абашевским курганом

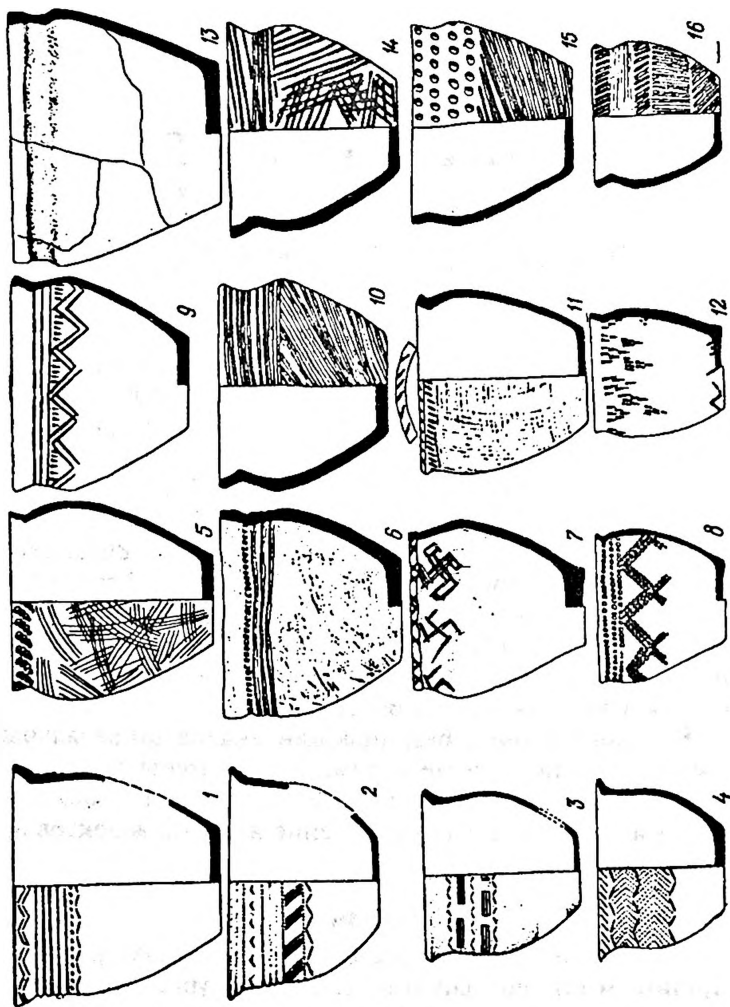

Рис. 1. Керамика из абашевских (1–4) и покровских (5–16) памятников. Горшковидные сосуды: 1,2,4 – мог. Ст. Ябальклы (к.59, п.2; к.11, п.2; к.55); 3 – мог. Чукраклы, к.18; 5 – мог. Новопавловка, к.4, п.2; 6 – II Бережновский мог., к.80, п.4; 7,12 – I Федоровский мог., к.2. п.4; 8,11 – II Федоровский мог. (к.6, п.5; к.5, п.1); 9,13 – мог. Скатовка, к.11. п.1; 10, 14–16 – Покровский мог., ЮЗ группа (к.40; к.7, п.2; к.15, п.2; к.21).

могилы расположены рядами. Ни одна из них не выделяется планиграфически. Могильная яма рассчитана только на умершего и его личные, небольшие по размерам вещи. Камера имеет легкое, из органических материалов, перекрытие и берестяную подстилку на дне. Охра в обряде не употребляется. Кости животных встречаются изредка и только в могиле, в качестве игральные кости (“бабки”). Умерший лежит на спине с подогнутыми ногами, головой на В, ЮВ.

Под покровским курганом могилы расположены вокруг выделенного планиграфически центрального погребения или жертвенника. Могильные ямы различаются не только местом под курганом, но и размерами – центральные довольно обширны, умерший в них лежит у стенки, а большая часть камеры остается пустой. Периферийные могилы вмещают только погребенного. Могила имеет деревянный сруб и перекрытие из бревен или плах. Дно ямы выстлано корой и нередко посыпано охрой. Кости животных есть как в могиле – в качестве жертвенной пищи (ребра животных у ног погребенного), так и около могилы – целые скелеты или их части (ноги и челюсти) – в качестве жертвенников. Умершего хоронили на левом боку скорчено, головой на С, СЗ, СВ.

В обеих культурах описан классический обряд, хотя в той и другой есть исключения из этого правила.

Перейдем к анализу вещевого материала из курганов. Самой массовой и почти обязательной находкой является керамика.

Рис. 2. Керамика из абашевских(1,4,5) и покровских(2,3,6–11) памятников. Слабопрофилированные горшки: 1 – мог. Ст.–Ябальклы, к.56, п.1; 2 – Покровский мог., к.25, п.1; 3 – мог. Песочное, к.7, п.1. Банки: 4 – мог. Ст.–Ябальклы, к.11, п.4; 5 – мог. III Красногорский. к.9; 6 – мог. Новопавловка, к.3, п.4; 7 – мог. Песочное, к.3, п.1; 8 – мог. Покровский, ЮЗ группа, к.1; 9 – мог. Новопавловка, к.2, п.4. Биконические банки: 10 – мог. Новопавловка, к.2, п.1; 11 – Ишеевский мог., к.1, п.4.

2. ПОКРОВСКАЯ КЕРАМИКА представлена устойчивым набором специфических типов.

Горшки – это сосуды с профилированным коротким венчиком и округлым туловом. Они различаются формовой венчика:

– венчик сильно отогнут и образует ребро и широкий желобок, иногда два, на внутренней поверхности (рис.1:5,9);

– дополнительно к этим признакам есть широкий желобок на внешней поверхности шейки, за счет чего образуется уступчик на плечиках сосуда (рис.1:13);

– есть только ребро на внутренней поверхности венчика (рис.1:11);

– венчик имеет плавную профилировку без ребра (рис.2:2,3).

Часть горшков имеет подколоколовидную форму, дно довольно узкое. У части горшков приземистые пропорции и широкое дно. Горшки одинаковой формы и с аналогичной орнаментацией могут различаться размерами. Отличительной особенностью покровской керамики является обработка внешней поверхности сосуда крупнозубчатым штампом по влажной глине. Глубокие упорядоченные расчесы штампом делают поверхность рельефной. Направление расчесов подчеркивает детали формы сосуда – шейку, тулово. Расчесы, фактически, играют роль орнамента. Отпечатки зубцов штампа как бы поднимают глину, делая рисунок объемным. Штамп имеет крупные зубцы в отличие от абашевского мелкозубчатого штампа, которым на глад-

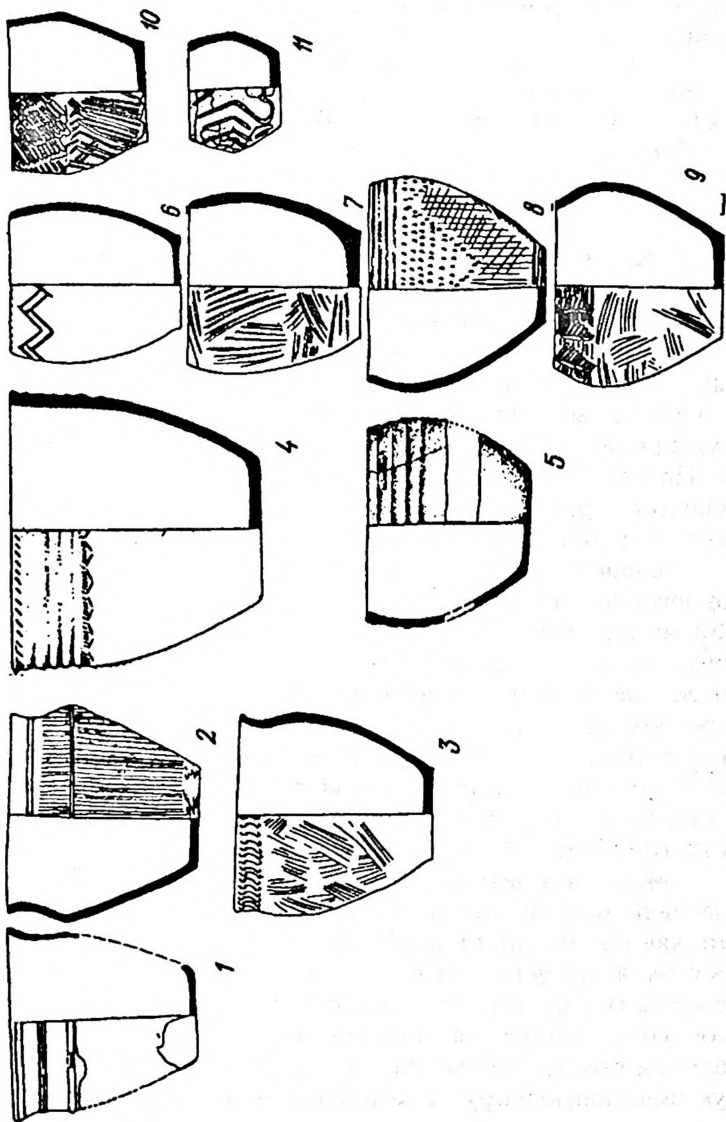

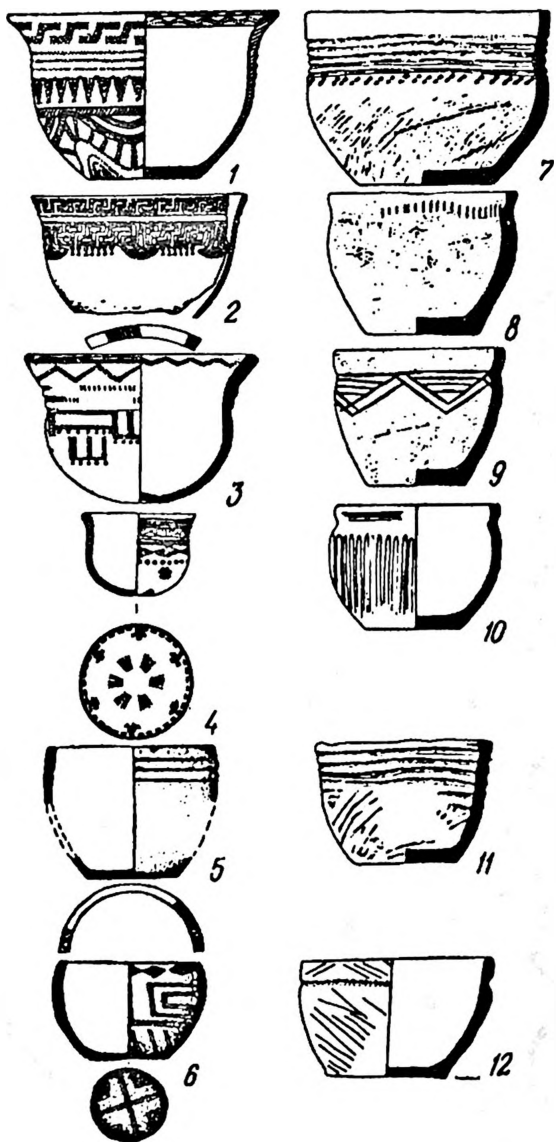
Рис. 3. Керамика из абашевских (1–6) и покровских (7–12) памятников. Чашевидные сосуды: 1 – мог. Н.–Чуракаево, огр. А, п.4; 2 – пос. Баланбаш; 3 – мог. Чукраклы, к.13, п.2; 4 – пос. Урняк; 5 – III Красногорский мог., к.6; 6 – мог. Береговский, к.6; 7–9,11 – I Береговский мог. (к.25, п.6; ЮЗ группа, к.1, п.12; к.35, п.5; к.35, п.6); 10,12 – мог. Иловатка (СВ группа, к.3, п.2; Ю группа, к.2, п.3).

кой поверхности наносился тканый, вышитый рисунок. Крупнозубчатым штампом и насечками делался и вдавленный орнамент. На горшках он имеет как бы подчиненную роль и расположен по шейке сосуда. Это ряд горизонтальных или наклонных отпечатков, зигзаг, кресты.

Описанные сосуды фактически определяют покровскую принадлежность памятников, в которых они находятся. Прототипами покровских горшков по форме сосуда являются горшки абашевской культуры Приуралья. Орнамент на покровских горшках оригинален.

Банки – это сосуды без выделенной шейки. Среди покровской керамики есть банки с округлым (рис.2:6–9) и с биконическим туловом (рис.2.10:11), с широким и узким дном с вертикальными и горизонтальными пропорциями, последние чашевидной формы (рис.3:11,12). Баночные сосуды, так же как и горшки, имеют рельефную поверхность за счет расчесов крупнозубчатым штампом. Орнамент из отпечатков зубцов штампа или ямочный и резной, редок и прост. По элементам и композициям аналогичен орнаменту на горшках.

Маленькие острореберные сосудики (рис.4:5–8). Это довольно редкий, но показательный тип посуды. В них отражаются традиции изготовления аналогичной формы сосудов абашевской культуры. Сходство заключается в небольших размерах сосуда с ребром на тулове, в резко отогнутом венчике с ребром на внутренней поверхности, в наличии глиняной крышки. Но эти сосудики теряют главную смысловую нагрузку, которую они несли в абашевской

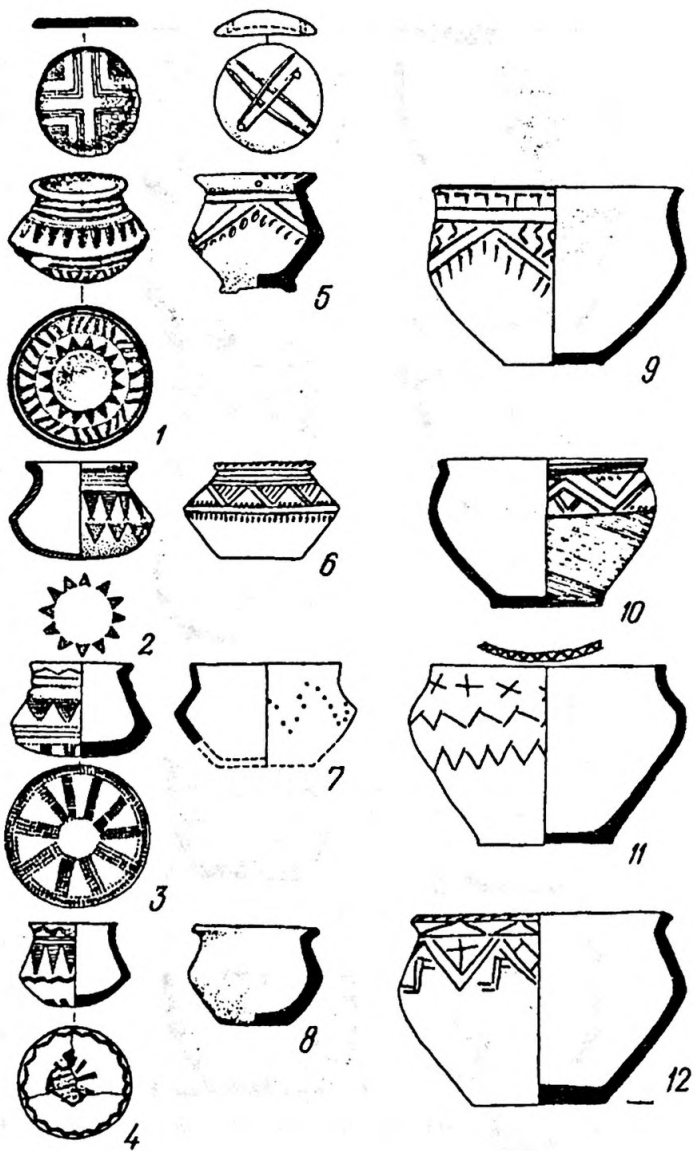

Рис. 4. Керамика из абашевских (1–4) и покровских (5–12) памятников. Маленькие острореберные сосуды: 1 – мог. Метев–Тамак; 2 – мог. Н. Чуракаево, огр. Б, п.1; 3,4 – мог. Ст.–Ябалькы (к.1, п.1; к. 56, п.2); 5,7 – Покровский мог. (к.14, п.1; к.4); 6 – мог. Ст. Чардым, к.1, п.9; 8 – мог. Скатовка, к.11, п.1. Острореберные горшки: 9 – мог. Песочное, к.8, п.1; 10 – Покровский мог., к.25, п.1; 11–12 – мог. Новопавловка (к.2, п.3; к.3, п.3).

культуре – специфический орнамент. В абашевской культуре этот сосуд является, вероятно, ритуальным и обязательно покрыт строго определенным узором. В покровских памятниках такие сосудики или не орнаментированы или имеют покровскую орнаментацию (пустой или заштрихованный зигзаг). Да и сама форма сосуда в покровской культуре претерпела важные изменения, на основании чего они относятся к покровской, а не к абашевской посуде. Эти изменения сводятся к оформлению дна и ребра на тулове. Ребро у маленького острореберного сосудика из покровских памятников находится на середине высоты сосуда, а не в нижней половине высоты, как у абашевского сосудика – это, фактически, маленький биконический сосудик, так как диаметр устья близок диаметру тулова, а диаметр дна – диаметру шейки сосуда. Дно всегда плоское, а не округлое или уплощенное и иногда имеет поддон. Таким образом, маленький сосуд в миниатюре повторяет форму большого покровского биконического сосуда. Большие биконические острореберные сосуды покровской культуры наследуют функции ритуальной посуды от маленького острореберного сосудика абашевской культуры, но имеют уже свой, специфический для новой покровской керамики орнамент. Абашевский орнамент исчезает с исчезновением абашевской культуры, так же, как видоизменяется и форма ритуального сосуда.

Биконические сосуды (рис.4:9–12) имеют ребро на тулове в середине высоты сосуда. Венчик очень короткий и чаще прямой, чем отогнутый. Дно и устье сосуда широкое.

Часть сосудов имеет суженное дно на поддоне. Пропорции горизонтальные. Неорнаментированные биконические сосуды — исключение. Как правило, узор обязателен и расположен в верхней части тулова, до ребра. Композиция составлена из неповторяющихся мотивов и небольшого числа элементов. Узор представляет собой пояс, центром которого является зигзаг. Верхние и нижние его углы имеют разную штриховку, что создает два мотива. Этот пояс может быть очерчен или имеет только сверху одну линию горизонтальных отпечатков штампа, а снизу, как правило, не подчеркнут. Зигзаг заштрихован наклонными линиями, ямками, углами, уточками, крестами.

Общие черты всех типов покровской керамики сводятся к обязательному наличию плоского дна, которое часто имеет радиальный или кольцевой поддон, к орнаментации только верхней части тулова до наибольшего расширения, иногда по срезу венчика, отсутствию придонной орнаментации. Орнамент состоит из отпечатков крупнозубчатого штампа, длинных или овальных насечек, отпечатков полый кости. Элементами орнамента являются зигзаг, кресты, свастики, прямые углы, уточки, ромбы. Большое значение в орнаменте имеют ямки-насечки, ямки каплевидной формы, которые не только нанесены в ряд или зигзагом, но и образуют заполненный висячий треугольник — “гроздь винограда”. Впервые, на покровской керамике появляется “рисунчатое письмо” — несимметричный рисунок, состоящий из неповторяющихся элементов. Так, например, ромб на абашевской керамике имеет упорядоченную штриховку, а на покровской керамике ромбы в одном мотиве имеют разное заполнение (внутри ромба крест, вертикальная или горизонтальная линия и т. д.). Орнамент нанесен небрежно. Композиция состоит из одного—двух—трех неповторяющихся мотивов. Нет жесткой связи между формой сосуда и элементом орнамента, как это замечено на абашевской керамике.

Таким образом, покровская керамика продолжает аба-

шевские традиции в формообразовании, что ясно прослеживается в характерном изгибе венчика, с ребром и желобком на внутренней поверхности. Но “старая” абашевская форма сосуда имеет не гладкую, а рельефную поверхность. Это совершенно новый, характерный только для покровской культуры прием обработки поверхности. Рельефная поверхность сосуда была “модой” этого времени. На сосудах КМК рельефность достигалась за счет налепных валиков, на синташтинских сосудах — за счет “желобчатой” слочки по тулову и налепных шишечек и валиков по шейке сосуда. Эта рельефность имитирует абашевские каннелюры.

Абашевские орнаментальные элементы и композиции не были перенесены на покровскую керамику, сменились и орнаменты, так как поменялся стиль рисунка.

Покровские погребения дают специфическую серию металлических, костяных и каменных изделий. В отличие от абашевских, в покровских памятниках есть погребения с оружием. В состав оружия входят: копье, лук с костяными и кремневыми наконечниками стрел, нож-кинжал, вислобушный топор, кривой однолезвийный нож. Металлические орудия труда представлены теслом, втульчатым долотом, шилом, иглой. Символы власти, так же как и оружие отсутствующие в абашевских погребениях, в покровских представлены костяными и каменными булавами, каменными нефритовыми топорами. Украшения есть как в абашевских, так и в покровских погребениях. Абашевское оружие и орудия труда известны в ряде погребений, на поселениях, в кладах и среди случайных находок, поэтому есть возможность сравнить названные абашевские и покровские изделия по категориям.

3. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Вислобушные топоры.

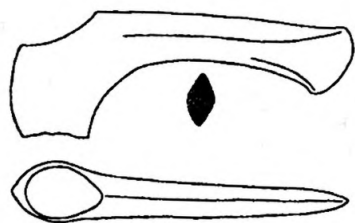
Рис. 5. Бронзовые топоры. 1,3 — Турбинский мог.; 2 — Рождественский мог.; 4 — Кондрашкинский к.; 5 — Царев к.; 6 — Волгоградский музей.

Покровские вислообушные топоры различаются сечением клина и размерами обуха:

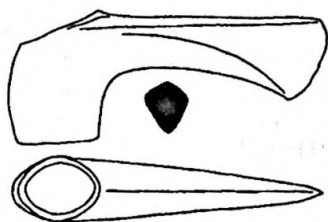
— топоры с **ромбическим сечением клина** (рис.5:2), что означает наличие ребра жесткости на широких сторонах клина. Спинка топора прямая, лезвие расширено, втулка узкая и высокая как у синташтинских топоров, то есть нижний диаметр втулки меньше высоты втулки. Задняя стенка втулки ниже передней, что выражается в наличии значительного скоса верха втулки. Эти топоры невелики по размерам и грацильны, в них нет массивности. Прототипами для них явились абашевские топоры с ромбическим сечением клина, широко распространенные в Волго-Урале среди случайных находок. Есть такой топор в Турбинском могильнике. Покровские топоры этого типа есть в Рождественском могильнике в Поволжье (Крамарев, Седова, в печати) и среди случайных находок в Поволжье и Приуралье.

— топоры с **линзовидным сечением клина** (рис.5:4), то есть без ребер жесткости на широких сторонах клина. Спинка топора изогнута, клин узкий и расширяется только у лезвия. Втулка выглядит массивной из-за большой ширины, но высота ее меньше нижнего диаметра втулки. Короткая задняя стенка втулки определяет значительный скос верха втулки. Топоры имеют небольшие размеры и незначительную массивность. Такие топоры продолжают линию развития абашевских топоров с линзовидным сечением (Турбинский могильник и случайные находки в Волго-Камье). Покровские топоры этого типа есть в Кондрашкинском кургане и среди случайных находок в Поволжье и Подонье.

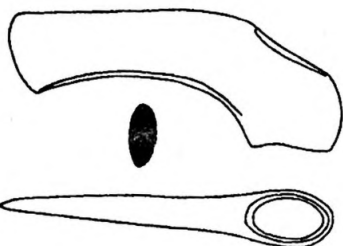
Абашевские топоры с ромбическим и линзовидным сечением имеют менее массивный и более вислый обух.

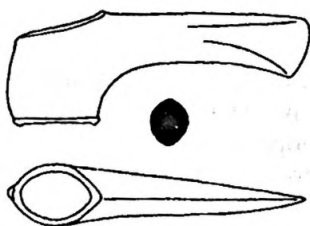
1

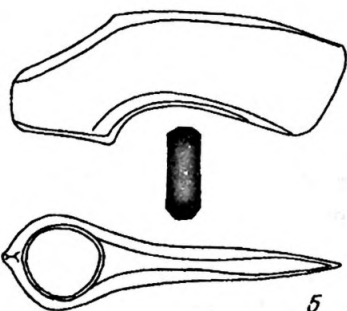
2

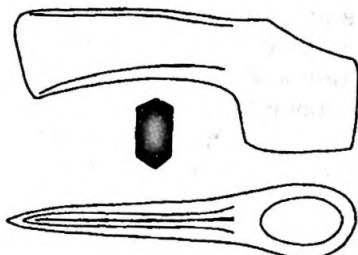
3

4

5

6

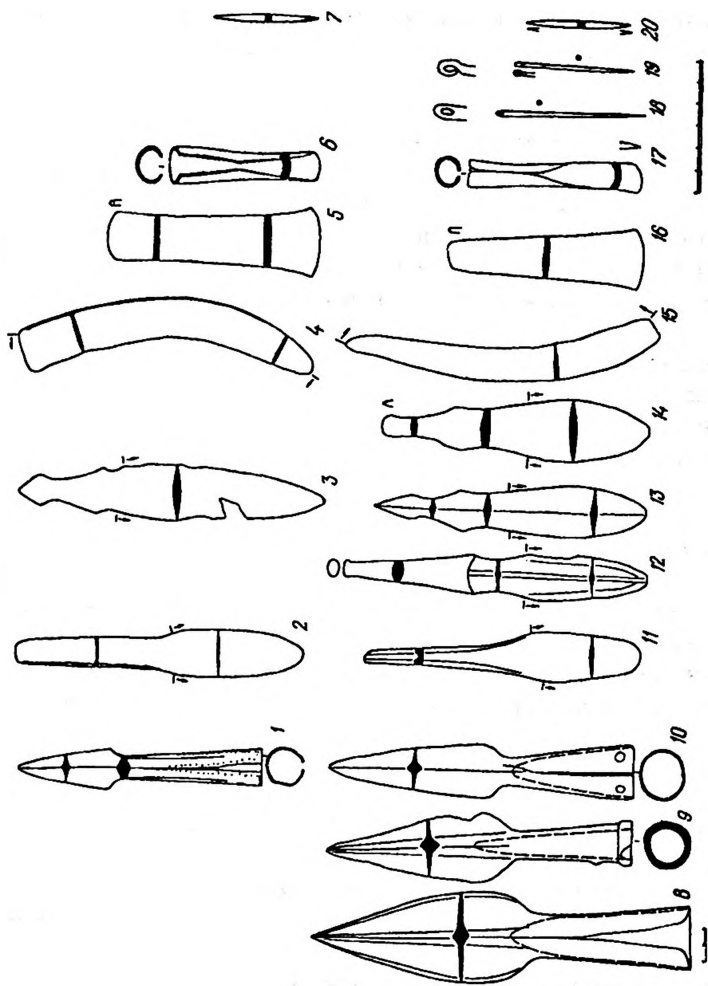
0 6cm

Рис. 6. Оружие и орудия труда из абашевских (1–7) и покровских (8–20) памятников. 1,4–6 – Верхне–Кизильский клад; 2,7 – мог. у Никифоровского лесничества (п.2; под. мат.); 3 – Нижне–Чуракаевский мог., огр. Б, п. 1; 8 – Кондрашкинский к., п.1; 9–10,16 – Покровский мог. (к.8, п.1; к.15, п.2); 11–12 – мог. Песочное (к.2, п.1; к.1, п.1); 13 – Кротовский мог., к. 3, п.2; 14 – мог. Натальино, 2 гр., к.10; 15 – Саратов. гос. ун–т, НП–1; 17–18,20 – мог. Новопавловка, к.2, п.3; 19 – мог. Ровное, к.А 11, п.2.

Главные изменения, которые произошли в технологии изготовления покровских топоров, сказались на увеличении размеров и массивности обушной части.

– топоры с **шестигранным сечением клина** (рис.5:6). Это топоры с двумя ребрами жесткости на широких сторонах клина, но расположенными по краю клина, близко к спинке и брюшку топора, поэтому широкие стороны клина остаются плоскими. Литейная форма для отливки такого топора найдена на Мосоловском поселении (Пряхин, Саврасов 1989:44, рис. 2:2), есть они среди случайных находок в Подонье и в Поволжье. Эти топоры продолжают традиции топоров царевокурганского типа. У них тоже изогнута спинка, хотя и в меньшей степени. Отличаются покровские топоры от царевокурганских большей высотой задней стенки втулки, овальным отверстием во втулке и приостренной спинкой и брюшком, тогда как у царевокурганских топоров спинка и брюшко плоские. От более поздних срубных топоров покровские топоры этого типа отличаются меньшими размерами, часто дуговидной, а не прямой спинкой, большим скосом верха втулки, означающим, что задняя стенка втулки короче, передней и не стала квадратной или прямоугольной, меньшей массивностью и отсутствием двух близко расположенных ребер жесткости вдоль центра широких сторон клина, что дает у поздних топоров в сечении клина шестигранник с почти равными по длине гранями.

Наконечники копий. В покровских памятниках известны

наконечники нескольких типов:

— **наконечники с литым пером и кованой втулкой** (рис.6:10) (Покровский и Мазуровский могильники). Перо отливалось со стержнем, который затем расковывался во втулку. Часть стержня, примыкавшая к перу, оставалась нераскованной и служила дополнительным креплением наконечника, предохранявшим перо при ударе от слома в месте прикрепления ко втулке. Перо имеет ребро жесткости, которое заходит на стержень. Втулка у таких наконечников не заходит в основание пера. Длина пера и втулки почти одинаковы. Наконечник имеет листовидное перо с плоскими крыльями. Прототипом этих наконечников являются верхнекизильские наконечники копий и дротиков. Они сделаны по одной технологии. Отличительной чертой абашевских наконечников является короткое перо, в три раза меньше втулки, и треугольная, с менее раскованными крыльями форма пера.

— **литые наконечники со слепой втулкой** (рис.6:9) (Покровск, Красноселки, Медяниково) полностью повторяют сейминские наконечники.

— **наконечники с литым пером и кованой втулкой** (рис.6:8) (Кондрашкинский курган, Сейминский и Усть-Гайвинский могильники), повторяют сейминские наконечники с литой втулкой. Отверстие втулки входит в основание пера, между пером и втулкой нет литого стержня.

Ножи.

— Для покровских памятников характерны ножи так называемого срубного типа (рис.6:14). Это ножи с перекрестьем и перехватом, листовидным лезвием, часто линзовидным в сечении, то есть, без ребра жесткости, и с прямоугольной пяткой черенка. Эти ножи, безусловно, продолжают традиции абашевских ножей верхнекизильского типа. Отличия покровских ножей заключаются в значительно более длинном перехвате, который предохраняет клинок от слома при ударе, и в прямоугольной пятке черенка. Часть покровских ножей, так же как и абашев-

ские, имеет ромбическую или подтреугольную пятку черешка (рис.6:13).

— Более редкой находкой в покровских памятниках является нож другого типа — с длинной металлической рукоятью, листовидным лезвием, без перехвата и перекрестья (рис.6:11). Эти ножи находят прямые аналогии в памятниках абашевской культуры (могильник у Никифоровского лесничества, Турбинский могильник).

— Еще более редкой находкой в покровских памятниках являются однолезвийные изогнутые ножи (рис.6:15), безусловно продолжающие традиции абашевских ножей. Покровские однолезвийные ножи имеют более широкое лезвие, более толстую и более изогнутую спинку и заточены только по вогнутой стороне. Таким образом, наблюдается тенденция к укрупнению, по сравнению с абашевскими, этих орудий и к увеличению изгиба лезвия, а в целом, к превращению однолезвийного ножа в серп.

Долота (рис.6:17) — в покровских памятниках они изготовлены по той же технологии, что и в абашевских, то есть имеют кованую свернутую втулку и массивную рабочую часть орудия.

Тесла (рис.6:16) — в покровских памятниках трапециевидной формы, с суженной, не приостренной пяткой. Абашевские тесла отличаются параллельностью боковых сторон и слегка расширенной, но также не приостренной пяткой.

Иглы (рис.6:18,19) — это изделие не известно в абашевских памятниках. В покровских есть иглы двух типов, различающиеся способом изготовления ушка. У одних оно завернуто как у абашевских крючков, также сделанных из круглого в сечении прутка. Другие покровские иглы имеют ушко, пробитое в стержне.

Шилья (рис.6:20) — имеют с двух сторон заостренные концы без упора. Аналогичны абашевским и по технологии изготовления и по размерам.

Рис. 7. Изделия из кости (1–13, 18) и камня (14–17) из покровских памятников. 1–5 – I Федоровский мог., к.1, п.1; 6, 17 – мог. Новопавловка, к.5, п.1; 7 – мог. Песочное, к.7, п.1; 8–11 – мог. Новопавловка, к.4, п.1; 12 – мог. Краснополье, к.2, п.4; 13 – I Федоровский мог., к.2, п.3; 14 – мог. I Быковский, к.1, п.5; 15–16 – мог. Скорняково, к.2; 18 – Красноселки I, к.1, п.9.

4. КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

В покровских памятниках они составляют яркую, специфическую группу. Это оружие – наконечники (рис.7:13) и втоки (рис.7:10–11) стрел; детали сбруи коня – псалии (рис.7:12); детали предметов-символов власти – наборные рукояти (Отрощенко 1986:227–231) (рис.7:7–9, 18), булавы, а также пряжки (рис.7:3, 4, 6). Каждая из этих категорий имеет особенность, характеризующую именно покровскую культуру. Так, например, наконечники стрел втульчатые, трех–четырёх лопастные (в абашевской и синташтинской культурах они черешковые и двухлопастные). Только в покровских погребениях есть втоки стрел. Покровские костяные изделия украшены тонким резным орнаментом, а абашевские костяные изделия (Пепкинский курган) не орнаментированы. В покровских памятниках есть костяные пряжки. Это характерное изделие для КМК. В покровской культуре пряжки имеют не круглую, а фигурную форму. Псалии также своеобразны. Покровские псалии прямоугольные и сделаны из расколотой кости, в то время как оригинальные изделия этого типа в синташтинской культуре имеют круглую форму.

5. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ. Это кремневые наконечники стрел с черешком или усеченным основанием (рис.7:15, 16). Последние наиболее характерны для покровской культуры. Наконечников с усеченным основанием нет в памятниках абашевской культуры, но они есть в синташтинских памятниках и в Сейминском могильнике.

Редкой, но очень важной для датировки покровских

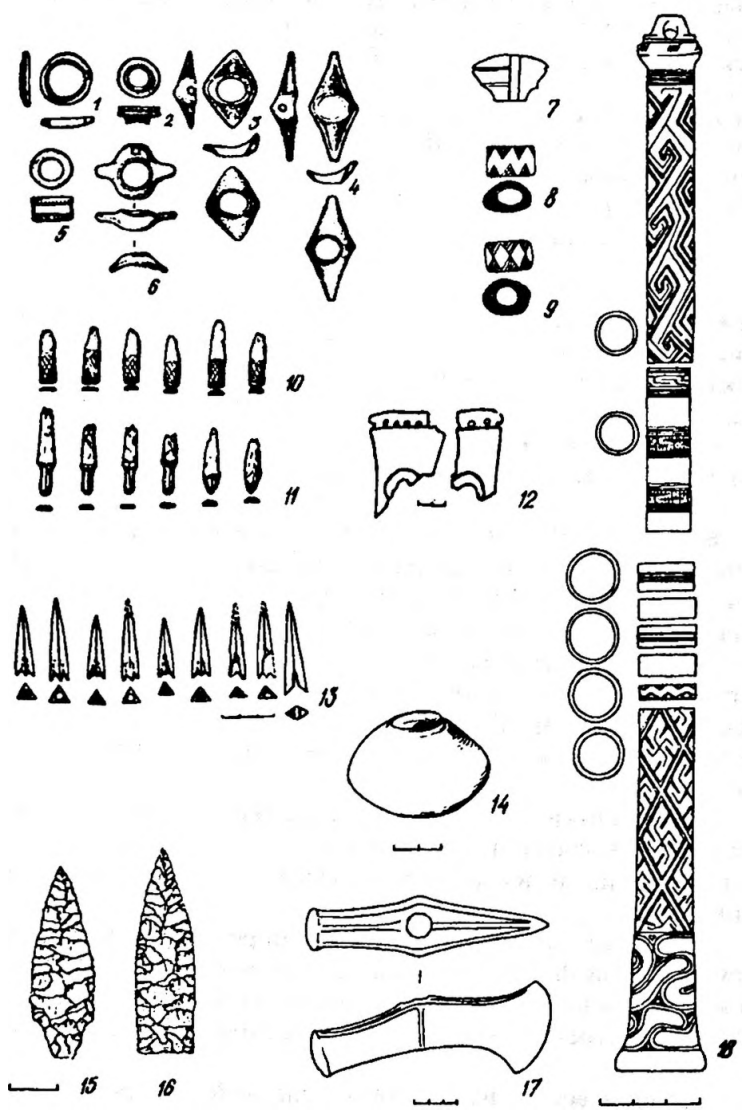

Рис. 8. Украшения из абашевских (А,Б,1,4,6,8-10,12,14) и покровских (В,2-3,5,7,11,13,15) памятников. А,Б — II Виловатовский мог. (к.17, п.3; к.14, п.1); В — I Ново-Ябалыклинский мог., к.2, п.3; 1,4,12,14 — II Виловатовский мог. (к.17, п.8; к.17, п.4; к.14, п.1; к.17, п.4); 2 — мог. II Натальино, к.21, п.5; 3 — мог. Новоселки; 5,7 — мог. Шестикурванный, к.5. п.5; 6,8-10 — мог. у Никифоровского лесничества; 11 — мог. Ст.-Ябалыклы; 13 — мог. Ст.-Ябалыклы, к.106, п.10; 15 — Покровский мог., к.15, п.3.

памятников находкой являются топоры из нефрита (рис.7:17) бородинского типа (Новопавловский могильник). Таких находок нет в памятниках абашевской культуры.

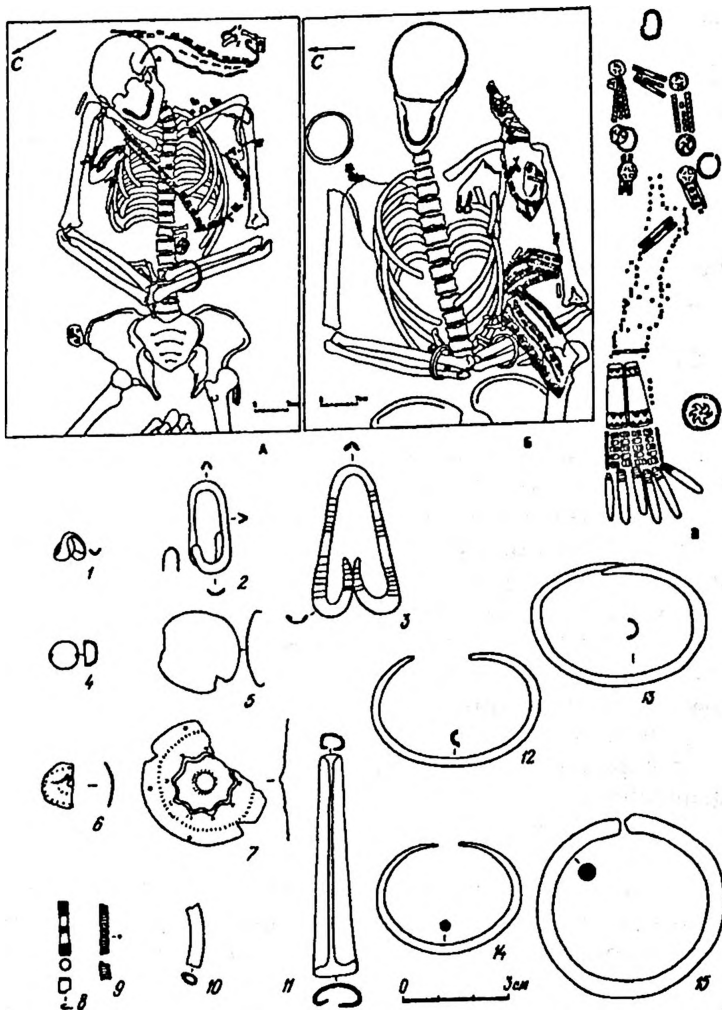
Каменные булавы (рис.7:14) так же известны в покровских, но отсутствуют в абашевских памятниках.

6. УКРАШЕНИЯ (рис.8). В покровских памятниках украшения имеют свой стандартный набор. Это украшения рук — **бронзовые браслеты** (нет металлических колец на палец как в абашевской культуре); шеи — **пастовые бусы**, неизвестные в абашевских памятниках; **височные подвески** в полтора оборота; **накосники** или **нагрудники**. Этот убор по составу и типам, безусловно, восходит к абашевскому убору, но имеет своеобразие в изготовлении каждого типа украшений.

В покровских памятниках **браслеты** двух типов — из желобчатой пластины с креплением концов или заходящими концами, и из круглого толстого прутка с тупыми концами.

Височные подвески в полтора оборота овальной или грушевидной формы, бронзовые или золотые. Грушевидные или восьмерковидные подвески имеют большие размеры и орнаментированы резным орнаментом или шишечками.

Пронизи всегда из пластины, гладкой или рифленой.

Есть пронизи двойные или тройные.

Накосники или **нагрудники** являются составным наборным украшением. В абашевской культуре пронизи и бляшки-полуторошины нашивались на кожаную основу. А бляшки-розетки и очевидные подвески подвешивались на кожаных шнурках на пронизях. Детали покровского украшения собирались так же, на кожаные шнурки. Накосник (или нагрудник) покровской культуры состоит из центральной фигурной бляшки, от которой на шнурках спускаются пронизи и обоймочки, ряд которых заканчивается ножевидной подвеской. На пронизях крепятся большие круглые орнаментированные бляхи.

Сравнение двух культурных образований — абашевского и покровского — показывает, с одной стороны, ряд сходств, а с другой — полную их самостоятельность и своеобразие каждого из них. Анализ сходств и различий приводит к следующим заключениям.

1. Покровские памятники обладают статусом археологической культуры, так как имеют ведущие признаки археологической культуры:

- специфический погребальный обряд;
- устойчивый набор типов керамики и элементов орнамента, составляющих характерные только для этой керамики композиции;
- свой набор орнаментов;
- гарнитур, составленный из специфических типов украшений;
- оригинальный набор орнаментированных изделий из кости.

2. Абашевская и покровская культуры относятся к хронологически следующим друг за другом этапам бронзового века Волго-Уралья. Абашевская (Баланбашская) культура синхронна Турбинскому могильнику, а покровская — Сейминскому (Бочкарев 1986:78—111; Черных 1970:150—172) и Бородинскому кладу (Бочкарев 1969).

В Турбинском могильнике найдены изделия абашевских мастеров — наконечник копья с кованой втулкой, ножи с перекрестьем и перехватом, тесла, вислообушные топоры, кремневые черешковые наконечники стрел, однолезвийные изогнутые ножи, нож с металлической рукоятью, крючок, браслет, пронизи из круглой проволоки, нашитые на кожаное изделие, бронзовая орнаментированная фигурная подвеска.

В Сейминском могильнике найдены изделия покровских мастеров — наконечник копья и кельт с коваными втулками, вислообушные топоры, ножи с перекрестьем и перехватом, браслеты из круглого прутка, кремневые наконечники стрел с усеченным основанием и черешковые.

В Бородинском кладе и в покровских памятниках есть однотипные наконечники копий, каменные булавы, нефритовые топоры, близка орнаментация металлических изделий из Бородинского клада и костяных изделий из покровских памятников.

На поселении Суруш (Васильев, Пряхин 1977) в лесостепном Заволжье и на поселениях I Береговское (Сальников 1967:104–106) и Тюбьяк (Горбунов 1992:114–118) в Южном Приуралье зафиксирована стратиграфическая ситуация, при которой покровский культурный слой перекрывает абашевский.

3. Покровская культура продолжает абашевские традиции в керамическом производстве (в формообразовании — изготовление горшков с округлым туловом, с ребром и желобком на внутренней поверхности венчика, близка форма банок и маленьких остросереберных сосудов); в типах украшений, в способе составления и ношения гарнитура украшений; в типах оружия и орудий труда; в технологии изготовления втульчатых креплений копий и долот; в технологии укрепления топоров, копий, ножей с помощью ребер жесткости вдоль пера или клина, а также массивных перехватов у ножей-кинжалов и стержневидного основания у пера наконечников копий.

4. Некоторые типы оружия (копья с литой втулкой и кинжалы с литыми рукоятками) в покровских памятниках происходят под влиянием сейминско-турбинской культурной среды, другие (вислообушные топоры с двумя ребрами жесткости на клине) — под влиянием Северо-Кавказских металлургических традиций. Фигурные костяные пряжки — модификация пряжек КМК, а прямоугольные псалии из расколотой кости — покровский вариант круглых псалиев синташтинской культуры.

5. Абашевская и покровская культуры занимают разные географические (природно-ландшафтные) зоны. Абашевские памятники расположены по берегам и водоразделам небольших рек, в зоне широколиственных лесов с дубравами, удобными для выпаса свиней. Покровские памятники есть как в лесостепной, так и в степной зоне, что отражает изменения в основной отрасли хозяйства — в скотоводстве, которые привели к созданию нового хозяйственно-культурного типа. Перемены, происшедшие в образе жизни носителей покровской культуры, отразились в погребальном обряде в стратификации погребений, в появлении погребений с оружием, в увеличении роли домашних животных в погребальном обряде (жертвенники и захоронения целых особей животных около могильной ямы).

6. Абашевская и покровская культуры самостоятельны, но, безусловно, связаны между собой. Абашевская культура завершает собой эпоху средней бронзы в Волго-Уралье и лежит в основе формирования эпохи поздней бронзы. Покровская культура открывает эпоху поздней бронзы в Волго-Уралье и, образно говоря, стоит на плечах абашевской культуры.

Рассмотрение всех аспектов процесса формирования покровской культуры не входит в задачу данного исследования.

- БОЧКАРЕВ, В.С. 1969. Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии: 129–154. Ленинград.
1986. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья: 78–111. Днепропетровск.
- ВАСИЛЬЕВ, И.Б., А.Д.ПРЯХИН. 1977. Сурушское поселение // Из истории Воронежского края. Воронеж.
- ГОРБУНОВ, В.С. 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.
- КАЧАЛОВА, Н.К. 1976. Абашевские элементы в Срубной культуре Нижнего Поволжья // Археологический сборник Гос. Эрмитажа 17: 5–17.
- КРАМАРЕВ, А.И., М.С.СЕДОВА. Могильник эпохи бронзы на юге Самарской Луки. В печати.
- КУЗЬМИНА, О.В. 1983. Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- МАЛОВ, Н.М. 1992. “Абашевские племена” Нижнего Поволжья (Памятники покровского типа). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург.
- ОТРОЩЕНКО, В.В. 1986. Костяные детали плеток из погребений срубной культуры // Советская археология 3: 227–231.
- ПРЯХИН, А.Д. 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
- ПРЯХИН, А.Д., А.С.САВРАСОВ. 1989. Глиняные литейные формы с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков // Поселения срубной общности: 39–79. Воронеж.
- САЛЬНИКОВ, К.В. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. Москва.
- ХАЛИКОВ, А.Х., Г.В.ЛЕБЕДИНСКАЯ, М.М.ГЕРАСИМОВА. 1966. Пепкинский курган (абашевский человек) // Труды Марийской археологической экспедиции III. Йошкар-Ола.
- ЧЕРНЫХ, Е.Н. 1970. Спектроаналитическое изучение металла Сеймы и Турбино // Бадер, О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы: 155–172. Москва.

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ ПОСЕЛЕНИЯ НА БЕЛОЗЕРСКОМ ЛИМАНЕ

Особое место в белозерской проблематике занимает вопрос о культурной атрибуции эпонимного поселения. Еще до выделения белозерской культуры отмечалось, что поселение на Белозерском лимане, в отличие от других синхронных ему поселений Поднепровья, является продолжением срубной, а не сабатиновской культуры (Шарафутдинова 1968:13). После выделения белозерской культуры атрибуция Белозерского поселения перешла в немалой степени в область культуругенеза. Наиболее показательны в этом отношении две точки зрения. Согласно одной, белозерская культура сложилась в результате передвижения срубного населения, вытесненного носителями бондарихинской культуры с Донца и кобяковской с Дона на запад и их смешения с сабатиновцами. В таком случае, срубный облик Белозерского поселения отражает ранний этап сложения новой культуры (Отрощенко 1986:151,152). Согласно другой, основанной на материалах Северо-Западного Причерноморья, срубная культура не сыграла никакой роли в сложении белозерской, в особенности керамического комплекса и домостроительства поселения на Белозерском лимане объясняются "контактами со срубными племенами Левобережья, наконец, наличием небольшой группы срубного населения в пограничной контактной

зоне” (Ванчугов 1990:13). Ситуация еще более усложняется, если учесть, что существует мнение о том, что срубные племена к моменту сложения белозерской культуры уже прекратили свое существование (Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993:68). В решении этой запутанной проблемы несомненную роль должно сыграть детальное изучение особенностей и степени контактов носителей белозерской культуры с ближайшими восточными соседями. Но даже ставшее уже хрестоматийным и восходящее к О. А. Кривцовой-Граковой (Кривцова-Гракова 1949:79) сопоставление землянок Белозерского лимана и нижнедонского срубного поселения у хут. Ляпичева создает впечатление большой территориальной лакуны. Это впечатление еще более усиливается, если учесть, что в последнее время восточная граница белозерской культуры определяется по р. Молочной (Отрощенко, Шевченко 1987:140), а ближайшие степные комплексы, синхронные белозерским, выявлены на Нижнем Дону и в Прикубанье (Шарафутдинова 1990:50,51; 1991:184–194). Совершенно очевидно, что для решения проблемы культурной атрибуции Белозерского поселения необходимо, в первую очередь, выявить синхронный культурный массив, могущий заполнить указанную лакуну. Значительный интерес в этом отношении представляют новые данные, полученные в последние годы при раскопках поселений в Северо-Восточном Приазовье.

Новоазовской археологической экспедицией под руководством автора были проведены раскопки на срубных поселениях Широкая Балка-II, Безыменное-I и Безыменное-II (на котором вскрыто около 8000 м²) разведочные раскопки на Камышеватой-XIV (Новоазовский и Першотравневый р-ны Донецкой обл.). Небольшие раскопки были проведены В. В. Цимидановым и Ю. Б. Полидовичем на поселении Ляпинская Балка (окраина г. Мариуполя). Все указанные поселения располагались в низовьях степных рек, впадавших в Азовское море. Несколько случаев прямой стратиграфии на первых трех памятниках и сопоста-

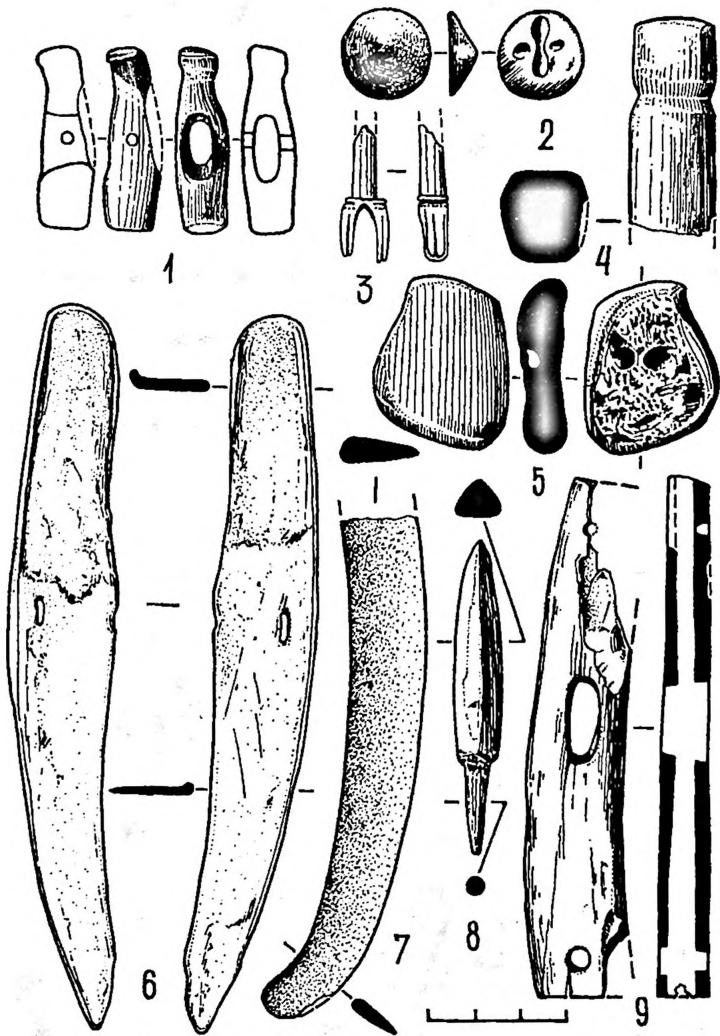
Рис. 1. 1–3, 5, 8, 9 – кость; 4– камень; 6, 7 – бронза. 1–5, 7–9 – Безыменное II, 6 – Безыменное I.

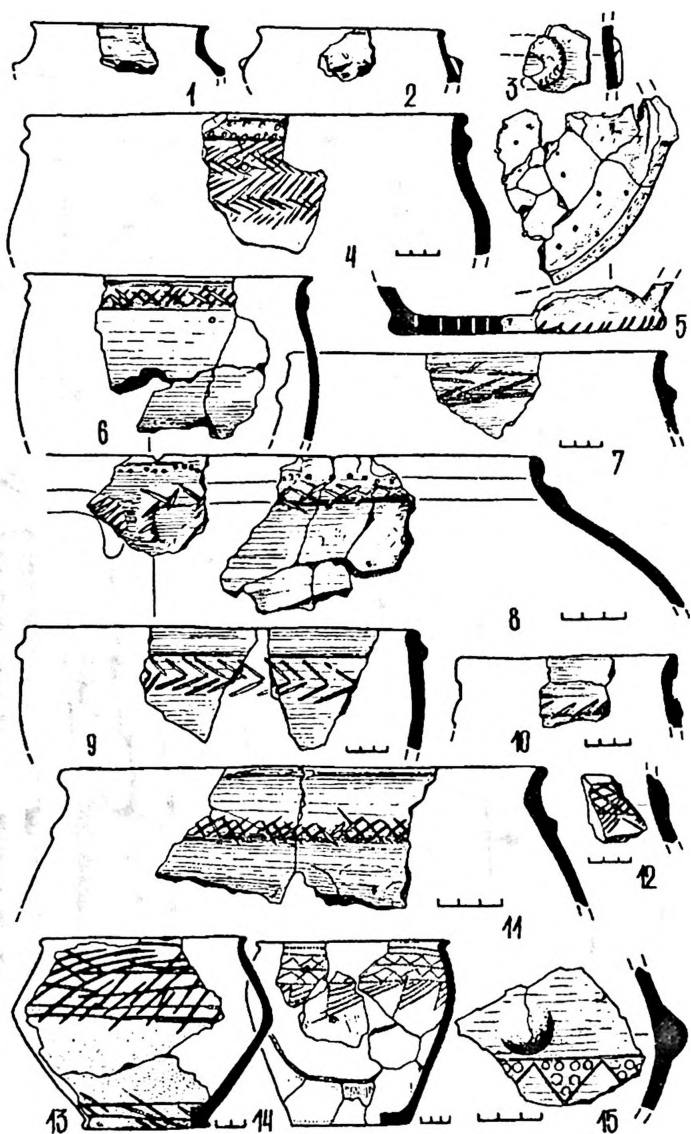
вимость комплексов делает возможным выделение единой стратиграфической колонки. Предварительно выделено пять горизонтов, охватывающих период от раннесрубного времени до финальной бронзы (Горбов 1991:119,120). К I горизонту относятся две большие землянки на Безыменном-I. Керамический комплекс представлен сосудами архаического облика. Особенности орнаментации и обработки поверхности, отдельные Покровские элементы позволяют отнести этот горизонт к раннесрубному времени. В I горизонте не обнаружено керамики с налепным валиком.

Ко II горизонту относятся помещения 7 и 7-а на Безыменном-II, землянка на Широкой Балке-II и землянка на Камышеватой-XIV. В керамическом комплексе преобладают банки, большая часть которых орнаментирована, хорошо представлены остросереберные формы. Для нашего последующего рассмотрения существенно отметить, что именно в этом горизонте на керамике появляется налепной валик, орнаментированный вдавлениями, косыми насечками, отпечатками штампа, ломаной линией. II горизонт относится, на наш взгляд, к предсабатиновскому этапу срубной культуры.

К III горизонту относятся помещения 5, 8, 9 Безыменного-II. При безусловной близости к комплексу предшествующего горизонта, в нем меняется количественное соотношение керамических форм. Уменьшается количество банок, преобладают горшки с налепным валиком, появляются крышки.

К IV горизонту относятся 10 помещений Безыменного-II и зольный слой, перекрывающий землянку на Широкой Балке-II. Более поздний характер комплексов этого горизонта по отношению к предыдущим определяется по ряду случаев прямой стратиграфии. Происходят существенные изменения в домостроительстве. Для предшествующих го-

ризонтов характерны большие (до 250 м²) многокамерные землянки с длинными входными коридорами, стенки которых облицованы камнем. Вместе с тем, сохранение традиции характерных входных коридоров свидетельствует о безусловной генетической связи с жилищами более раннего горизонта. По всей вероятности, мы наблюдаем постепенное расширение применения камня заменявшего дерево, столь дефицитное в условиях степного юга. Не исключено, что идея облицовки котлованов была заимствована у населения Приазовской возвышенности, использовавшего камень с раннесрубного времени (Горбов 1989:122). Облицовка котлованов камнем известна и на других срубных поселениях: Провалье (Дубовская 1978:94,95), Ливенцовка (Братченко 1969:220–222), Николаевка (Привалова, Привалов 1987:25–29), Югино II (раскопки Н. Д. Праслова), Степановка (Бровейдер 1990:49–51) и др. Этот прием известен и на андроновских поселениях (Кузьмина 1962:9–15; 1964:103,104), где он применялся в условиях бедности лесом (Сальников 1967:248). Во всех указанных случаях каменные конструкции выполняли роль облицовки котлованов землянок, заменяя деревянную обшивку, и не являлись самостоятельной несущей конструкцией. В этом – коренное отличие данной системы домостроительства от сабаатиновской, в которой каменные кладки являлись несущими конструкциями, а жилища чаще всего были наземными (Черняков 1985:43–48). Иными словами, можно говорить о “восточной” (срубно-андроновской) и “западной” (сабаатиновской) традициях домостроительства.

В керамическом комплексе IV горизонта сохраняется основной набор форм, сложившийся во II и III горизонтах. Вместе с тем, появляются и новые черты. Найдено неболь-

* Информация предоставлена Э. С. Шарафутдиновой.

шое количество керамики сабастиновского облика (фрагменты ручек черпаков или фигурных чаш, стенки с характерными упорами и др.). IV горизонт может быть синхронизирован с позднесабатиновскими памятниками. В пользу этого говорят: найденные на Широкой Балке-II фрагменты сосуда с характерным выступом по краю венчика (Горбов 1993: рис.7) аналогии которому можно найти на сосуде из позднесабатиновского Новоселицкого зольника (Тощев, Черняков 1986: рис.7:17), сосудах Ноа-II (Florescu 1991: fig.26:8), а также корчага, имеющая близкую аналогию в материалах Болградского поселения (Черняков 1985: рис.31:1). Особенностью керамики данного горизонта является появление воротничков (рис.2:10) и орнаментация валиков с помощью косых крестов или "сетки" (рис.2:12), что находит аналогии в хвалынской (Дьяченко 1992: рис.3:4) и саргаринско-алексеевской керамике (Зданович 1988:75). IV горизонт, относящийся к позднесабатиновскому времени, можно синхронизировать с ранним этапом хвалынской культуры. Одним из оснований для выделения ранней хвалынской культуры является наличие керамики федоровского облика (Малов 1987:159,160). Интересно, что на поселении Ляпинская балка в комплексе, синхронном, вероятно, IV горизонту, найден развал сосуда с федоровскими чертами (рис.2:14) и фрагмент сосуда саргаринского облика (рис.2:4). Развал сосуда из жертвенного комплекса на Безыменном-II, относящегося к концу IV горизонта (рис.2:13), сопоставим, на наш взгляд, с позднефедоровской керамикой (Зданович 1988: рис.40).

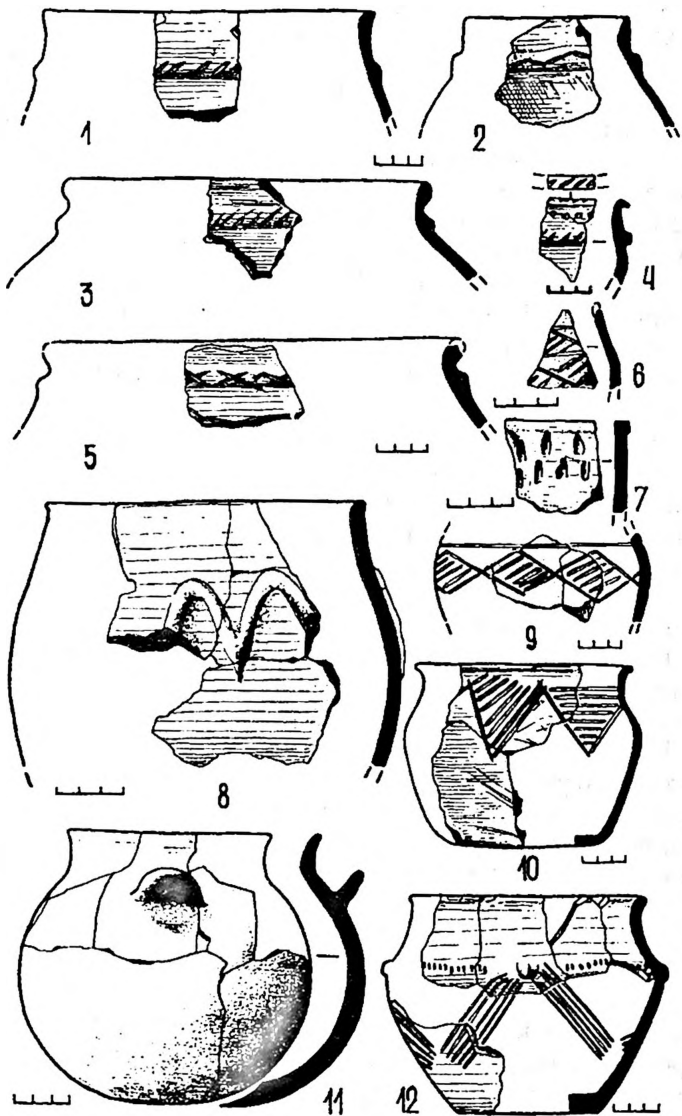
Наибольший интерес в контексте обозначенной проблемы представляет поздний V горизонт. На Безыменном-II выделяется два периода заселения на позднем этапе. К первому (Va) относятся однокамерные, сравнительно небольшой площади землянки с каменной облицовкой, по преимуществу из мелких камней, с входными коридорами. Котлованы углублены в материк. Эта группа жилищ хорошо выделяется планиграфически. Прослежены случаи пря-

мого нарушения описанными землянками более ранних жилищ IV горизонта. Практически синхронной является, очевидно, поздняя группа жилищ на Безыменном-I. Ко II периоду (Vб) относятся помещения со слабо углубленными котлованами (подошва их каменной облицовки не доходит до материка), небольшой площади, но образующие блокирующие структуры. Исследовано четыре блока, каждый из которых образован несколькими помещениями. Прослежен случай нарушения жилища предшествующего периода одним из помещений блока. Найденные в помещениях обоих этапов датирующие вещи позволяют наметить их хронологическую позицию.

Рассмотрим вещи, относящиеся к периоду Va. В пом.24 найден костяной трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис.1:8), близкий к наконечнику стрелы с Кировского поселения, отнесенного А. М. Лесковым к белозерскому этапу (1970: рис.29:9). В слое найдена костяная пуговица (рис.1:2), близкая аналогия которой найдена в слое финальной бронзы закубанского поселения кобяковской культуры Красногвардейское II (Шарафутдинова 1991а: рис.6:9). Более крупная плоская пуговица со сходной системой крепления (рис.1:5), близкая кировской (Лесков 1970: рис.30:2), найдена в пом.27. К указанному периоду относится, по всей видимости, и костяной псалий с тремя отверстиями в одной плоскости (рис.1:9), так как он был найден в слое ниже подошвы кладки пом.8-а, относящегося к периоду Vб. Такие псалии традиционно относятся к белозерскому времени. Разновеликие отверстия сближают его с дереивским псалием (Шарафутдинова 1982: рис.37:6). К периоду Va относится однолезвийный бронзовый нож, найденный в позднем помещении на Безыменном-I (рис.1:6). Однолезвийные бронзовые ножи имеют достаточно широкое распространение в культурах позднего бронзового века. Отличительной особенностью безыменского ножа является отверстие, пробитое на переходе от черенка к клинку. Нам не известны бронзовые ножи с

отверстием, расположенным указанным образом, в восточных регионах. Но они встречаются в западноевропейских культурах (Gedl 1984: taf.14:138; Peroni 1976: taf.43:382; Prüssing 1982: taf.27; Prendi 1982: tabl.13:4). С точки зрения традиционного направления культурных контактов, а также морфологической близости, наибольший интерес представляют ножи из кладов, обнаруженных на территории Румынии. Они происходят из известного клада Сусень и синхронных кладов (Petrescu-Dimbovița 1977: pl.125:7; 134:23; 164:8; 189:8; 200:3; 243:17). Все они относятся к На AI (Petrescu-Dimbovița 1977:87—113), то есть к периоду, предшествующему культуре Бабадаг I. В пом.26 найден обломок клинка бронзового ножа с загнутым кверху концом (рис.1:7). Эта форма широко представлена на памятниках финальной бронзы. В восточных культурах ножи с загнутым концом имеют фигурно изогнутую спинку (Аванесова 1991: рис.33:26,27), иную форму клинка. Аналогией нашему ножу с достаточно узким и, вероятно, длинным клинком, являются на наш взгляд, ножи из Зимнич-Пловдив, отнесенные к На I (Alexandrescu 1978:119,120; fig.7:4,2). Таким образом, возможная дата этого ножа не противоречит датировке описанного выше экземпляра.

Ряд датирующих вещей найден и в позднейших жилых блоках. В пом.V найден орнаментированный вток стрелы. Близкий экземпляр происходит из комплекса белозерского времени на Вороновке II (Вороновка II 1991: рис.20:6). Крайне интересен развал кубка (черпака?) из пом.19 (рис.3:12). Форма, сочетание упора, вдавлений по ребру и специфического орнамента имеют близкие аналогии в керамическом комплексе Бабадага I (Morintz 1987: fig.7:19). К периоду V6 относится миниатюрный роговой молоточек (рис.1:1) (на то, что это именно молоточек, указывают забитости на более широком, рабочем крае*) со специфической системой крепления — перпендикулярно проуху

расположено небольшое сквозное отверстие для стопора. Небольшой роговой молоточек с аналогичной системой крепления найден на поселении Силистия-Назиру, относящемся к концу Бабадага I (Hartuche 1983:72: fig.3:2). На то, что эти орудия должны относиться к концу бронзового века, указывает наличие аналогичной системы крепления из двух роговых молотках предскифского времени (Дегерменджи, Дубовская 1988:274; Ромашко 1987: рис.1:5). Что же касается Бабадага I, то он, будучи синхронен Трое VII в ², датируется серединой XI — серединой X вв. до н. э. (Смирнова 1985:49,50). Таким образом, исходя из нижнедунайских аналогий, период Va соответствует по времени так называемому пре-Бабадагу, а Vб — фазе Бабадаг-I.

К периоду Vб (пом.2) относится оселок (рис.1:4). Оселки характерны для памятников позднейшего белозерского времени, а в основном — для памятников предскифского этапа (Тереножкин 1976:146). Безыменский оселок находит полную аналогию в материалах раскопа III притобольского поселения Язеве-I, являющегося позднейшим комплексом алексеевской культуры этого региона и рубежным для конца бронзы — начала раннего железного века (Потемкина 1985:296, рис.18). Таким образом, и восточная линия привязок указывает на то, что второй этап V горизонта относится к концу белозерского времени.

Итак, материалы V горизонта позволяют не только достаточно уверенно относить его к белозерскому времени, но и дают основания для выделения раннего и позднего этапов. Вместе с тем, общий облик керамического комплекса обоих этапов близок. Более того, в основном подборе керамических форм прослеживается несомненная генетическая связь с керамикой IV горизонта. Характерно, что даже в комплексах периода Vб присутствуют традиционные срубные банки (рис.3:7). Как и в IV горизонте, значительное количество керамики восточного облика с воротничками, орнаментацией валиков косыми крестами или “сеточкой” (рис.2:6,11; 3:5), штампом (рис.3:2), соче-

танием валика с различными прочерченными композициями, в т. ч. “елочкой” (рис.2:9). Ряд фрагментов (рис.2:7,8) находит прямые аналогии в хвалынской (Дьяченко 1992: рис.2:4) и саргаринско-алексеевской (Кривцова-Гракова 1947: рис.57:12) керамике. На втором этапе наблюдается тенденция к увеличению количества горшков с низко расположенным валиком (рис.3:4), повышению массивности валиков и воротничков (рис.3:3). Близка к саргаринской керамическая серия с прочерченным орнаментом (рис.3:9). Наиболее выразителен в этом отношении развал сосуда, украшенного треугольниками без оснований (рис.3:10), что характерно для саргаринской орнаментики (Зданович 1988:89). Найдено небольшое количество керамики западного облика — фрагментов лощеных кубков (рис.2:1), сосудов с упорами или шишечками (рис.2:15), небольшими ручками (рис.2:2). Наиболее выразительный пример — развал кубка бабадагского облика. Интересен фрагмент цедилки (рис. 2:5).

Безусловная близость керамике Бабадаг I к керамике более восточных культур ставит вопрос о включении рассмотренных памятников в так называемый восточный блок валиковых культур. Здесь необходим ряд оговорок.

В выделенной гигантской общности культур валиковой керамики были намечены три зоны - западная, контрактная и восточная (Черных 1983:82). Если исходить из особенностей керамического комплекса, можно выделить восточный и западный круги культур валиковой керамики (включая в последний сабадиновку, Ноа и Кослодженъ, а на позднем этапе — белозерско-тудоровские памятники и синхронные им памятники гальштатского облика). Формы кухонной посуды западной и восточной культур близки. Более показательна система орнаментации валиков. Для Ноа, Кослодженъ, сабадиновки характерен валик гладкий или орнаментированный вдавлениями, косыми насечками

** Трасологическое определение орудия проведено В. Ю. Выборновым и А. Н. Усачуком (Усачук 1989:127).

(Florescu 1991: fig.10:94; Черняков 1985: рис.20:33). Те же особенности орнаментации валика характерны и для бело-зерско-тудоровских памятников (Черняков 1985: рис.34:37). Для восточных культур, помимо упомянутых, характерны и другие способы орнаментации валиков — оттисками штампа, косыми крестами, “сеточкой”, ломаными линиями, “елочкой”. Для восточной керамики характерны и воротнички. Для краткости отсылаем читателя к приведенным выше описаниям восточной керамики и подборке Е. Н. Черныха (1983: рис.5—8).

По всей вероятности, можно говорить о том, что для западного и восточного кругов валиковой керамики характерны различные традиции домостроительства, проявившиеся, как было показано выше, и в технике применения камня. Исходя из всего сказанного очевидно что приазовские памятники должны быть отнесены к восточному кругу валиковых культур — XIII—XII вв. до н. э. (Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993:67; Зданович 1984:148 и др.). Таким образом, распространение валиковой керамики в Поволжье и более восточных регионах знаменует смену срубной и андроновской культур культурами финальной бронзы, связанными с ними генетически. Показательна хвалынская культура, выделяемая в немалой степени, по наличию валиковой керамики (Изотова, Малов, Слонов 1993:110), причем допускается возможность сосуществования на раннем этапе с позднесрубными “неваликовыми” поселениями (Изотова, Малов 1992:131). Как было указано выше, на приазовских поселениях налепной валик хорошо представлен на посуде еще II горизонта, в то время как только IV горизонт, синхронный поздней сабастиновке, может быть отнесен к XIII в. до н. э. Сравнительно раннее распространение валиковой керамики фиксируется из Северском Донце (Березанская 1990:84) и Нижнем Дону (Шарафутдинова 1990:50). Вряд ли это явление можно объяснить влиянием сабастиновской культуры (Березанская 1990:114). С самого начала в орнаментации валиков при-

азовской керамики присутствуют такие восточные черты, как оттиски штампа, ломаные линии. Показательно, что сосуды с валиком появляются раньше, чем характерные столовые формы сабаатиновской культуры. Автор ознакомился с коллекцией Ляпичева хутора, что дало основание для выделения разновременных комплексов (Горбов, 1992:100–102). В частности, установлено, что в орнаментации валиков на керамике времени жилища 3, относящегося к предсабаатиновскому этапу уже присутствуют восточные элементы орнаментации. Не касаясь более сложной проблемы генезиса валиковой керамики, отметим следующее. Наблюдается определенное “запаздывание” в распространении валиковой керамики в Поволжье и более восточных регионах по сравнению с Приазовьем, Нижним Доном, Северским Донцом. Это, кажется, подтверждается появлением выраженной саргаринской и хвалынской керамики в IV–V горизонтах Безыменного и саргаринской в поздних комплексах Усова Озера (Березанская 1990:107). Не исключено, что “запаздывание” связано с нестыковками в хронологических схемах, но удревнение нижней границы восточных валиковых культур должно привести к некоторым изменениям в культурных построениях. Оставляя эту проблему специалистам, занимающимся восточными регионами, отметим, что в силу указанных причин распространение валика на керамике Приазовья, Северского Донца и Нижнего Дона не может свидетельствовать о прекращении существования в этих регионах срубной культуры.

Позднесрубные поселения белозерского времени выделены на Нижнем Дону (Шарафутдинова 1990:50,51). В керамическом комплексе землянок 1 и 2 Ляпичева хутора соседствуют сосуды с хорошо выраженными срубными чертами и несколько фрагментов позднего хвалынского облика (Горбов 1992:102). То же можно сказать и о комплексе Приморской стоянки Волго-Донского междуречья

* Благодарю Н. К. Качалову за возможность ознакомиться с коллекцией.

(Мамонтов 1974: рис.1:3,4) и наиболее позднего донского поселения у хутора Веселый* (Шарафутдинова 1985:163).

В целом, степные памятники от Приазовья до Волго-Донского междуречья могут быть определены как позднесрубные и отнесены к восточному кругу культур валиковой керамики. Острота проблемы культурных определений во многом смягчается с учетом того, что всеми исследователями признается генетическая связь срубной и хвалынской культур, а зачастую подчеркиваются ярко выраженные черты сходства между ними (Мыськов 1992:89). К восточному кругу относятся не только степные памятники финальной бронзы Украины. Восточный облик имеет комплекс II горизонта поселения Богуслав на Днепропетровщине, относящегося к белозерскому времени**. На Северском Донце, на поселении Диброва, зафиксировано совместное залегание на одном жилище позднесрубной, бондарихинской и чернолесской керамики (Гершкович 1990:58,59), что ставит под сомнение тезис о полном вытеснении срубников бондарихинцами. Восточные черты прослеживаются и на памятниках Крыма, проявляясь как в керамическом комплексе (Лесков 1970: рис.10,18; 11,7), так и в системе домостроительства (Колотухин 1990а: рис.2). Позднесрубное население участвовало, очевидно, в сложении кизил-кобинской культуры (Колотухин 1990б:104–107). Существовала и обратная связь. В позднейших комплексах периода Vб найден развал слабопрофилированного кубка с круглым дном и массивным упором (рис.3:11). Белозерские кубки, как правило, имеют лунку на дне и выраженную высокую шейку. Слабопрофилированные кубки с полностью круглым дном встречаются в кизил-кобинской культуре (Колотухин 1990в: рис.12:2–4).

* Благодарю Н. К. Качалову за возможность ознакомиться с коллекцией.

** Доклад В. А. Ромашко на Всесоюзном семинаре по срубно-сабашиновской проблематике. Сентябрь 1990г., Днепропетровск.

Характерно, что из того же безыменского комплекса происходит фрагмент сосуда с рельефным изображением, выполненным валиком (рис.3:8), что также характерно для Кизил-Кобы (Колотухин 1990в: рис.13:8,9). Эти параллели позволяют допустить доживание безыменских комплексов до предскифского периода, в пользу чего свидетельствует обнаруженный там же фрагмент с геометрическим орнаментом (рис.3:6).

В керамическом комплексе поселений Поднепровья встречается керамика восточного облика (Шарафутдинова 1982: рис.35:1; 36:17), полностью отсутствующая в Северо-Западном Причерноморье. В силу территориального расположения поднепровское население находилось в более тесных контактах со срубным. В период финальной бронзы, помимо попадания вещей восточного облика, происходило, вероятно, переселение небольшой группы срубного населения в Поднепровье. Свидетельством этого является поселение на Белозерском лимане. Его керамический комплекс, без сомнения, восточный. Валик орнаментирован косыми крестами (Кривцова-Гракова 1949: рис.33:8,10), ломаными линиями (Кривцова-Гракова 1949: рис.3:24), штампом (Кривцова-Гракова 1949: рис.30); встречаются воротнички (Кривцова-Гракова 1949: рис.32:12; 33:10) и фрагменты керамики традиционно срубного облика (Кривцова-Гракова 1949: рис. 32:1-3,6,7). При этом найден только один фрагмент лощеного орнаментированного сосуда (Кривцова-Гракова 1949: рис.34). Интересен металл. Это две пилки гальштатского облика (Кривцова-Гракова 1943: рис.33:4,5), имеющие широкую дат На А-В 1 (Смирнова 1989:47) и бронзовый однолезвийный нож (Кривцова-Гракова 1949: рис.33:1). Нож представляет собой близкую аналогию безыменскому, так как имеет отверстие, пробитое на переходе от черешка к клинку, что позволяет синхронизировать Белозерское поселение с периодом Va. Близка по времени землянка I Ляпичева хутора, с которой обычно сопоставляют землянку Белозерского

поселения. Поселение на Белозерском лимане, таким образом, оказывается наиболее западным памятником восточного круга культур валиковой керамики — не случайно О. А. Кривцова-Гракова указывала на близость керамики этого поселения хвалынской (1949:79) — и практически не связано с белозерско-тудоровскими памятниками Причерноморья. Налицо парадокс — эпонимное поселение не соответствует культуре, которой оно дало название. Логически это объяснимо. Название сабастиновского этапа удачно совпало с названием выделяемой западной культуры. Не удивительно, что следующая за ней хронологически на той же территории культура получила название по позднему этапу первоначальной срубной периодизации — белозерская. При этом из поля зрения исследователей выпал культурный облик эпонимного памятника. Вместе с тем, отмечалось, что наиболее выразительным памятником финальной бронзы является Тудорово (Ванчугов 1990:136). В результате появляется составной термин “белозерско-тудоровские памятники”. По мнению автора эпоним “белозерский” применим только к памятникам восточного облика. Вероятно, стоило бы вернуться к термину “белозерский этап” применительно к наиболее поздним памятникам срубной культуры от р. Молочной до Волго-Донского междуречья. Применительно к памятникам Причерноморья логичнее всего было бы использовать термин “тудоровские”. То же касается и Поднепровья, хотя особенности этой контактной зоны предполагают новый серьезный пересмотр поднепровских памятников финальной бронзы для выяснения культурной специфики.

Разумеется, любые предложения по изменению действующей номенклатуры имеют не слишком много шансов на быстрое признание. Но самое главное — Белозерское поселение является крайним западным памятником большого культурного массива, обладающего своей спецификой. Генетическая основа тудоровской культуры — сабастиновская, при сильном гальштатском влиянии. Белозерский

этап — продолжение срубной культуры. Уже отмечалось отличие керамических комплексов. Для тудоровских поселений характерен постепенный отказ от наземных, в том числе каменных, жилищ и переход к сравнительно небольшим землянкам (Ванчугов 1990:126). На белозерских прослежены два направления домостроительства — большие землянки и землянки с каменной облицовкой котлованов с тенденцией к блокировке. Для западных памятников характерно преобладание южной ориентации погребенных, усложнение погребального ритуала. Для восточных — преобладание традиционно срубной ориентации и упрощение погребального обряда (Шарафутдинова 1991б:132, 193). Объединяет их лишь западный металл, распространяемый достаточно далеко на восток (Шарафутдинова 1991б:189). Таким образом, памятники типа поселения на Белозерском лимане и памятники тудоровского типа не должны рассматриваться в пределах одной культуры.

- АВАНЕСОВА, Н.А. 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент.
- АЛЕКСЕЕВ, А.Ю., Н.К.Качалова, С.Р.Тохтасьев. 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. Санкт-Петербург.
- БЕРЕЗАНСКАЯ, С.С. 1990. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев.
- БРАТЧЕНКО, С.М. 1969. Багатшарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія ХХІ: 210–231. Київ.
- БРОВЕНДЕР, Ю.М. 1990. Новые сведения о домостроительстве у племен срубной культуры на Северском Донце // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: 49–51. Луганск.
- ВАНЧУГОВ В.П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
- ГЕРШКОВИЧ, Я.П. 1990. К вопросу о появлении чернолесской керамики на поселениях бондарихинской культуры в бассейне Северского Донца // Тезисы докладов. Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: 57–59. Луганск.
- ГОРБОВ, В.Н. 1989. О применении камня в домостроительстве срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Тезисы докладов. Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: 120–123. Донецк.

1991. Об одной категории керамики позднего бронзового века // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.): 130–133. Тирасполь.
1992. Новые данные о поселении Ляпичев хутор и некоторые проблемы изучения срубных поселений Приазовья // Тезисы докладов. История и археология Слободской Украины: 100–102. Харьков.
1993. Поселенческие комплексы Приазовья в системе синхронизации западного и восточного кругов культур валяковой керамики // Тезисы докладов. Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: 90–93. Санкт-Петербург.
- ДЕГЕРМЕНДЖИ, С.М., О.Р.ДУБОВСКАЯ. 1988. Раскопки и разведки в Донецкой области // Археологические открытия 1986 года: 273–275. Москва.
- ДУБОВСКАЯ, О.Р. 1978. Поселение эпохи поздней бронзы близ с. Провалье // Древние культуры Поволжья и Приуралья: 94–96. Куйбышев.
- ДЬЯЧЕНКО, А.Н. 1992. Поселение Ерзовка I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи: 115–126. Саратов.
- ЗДАНОВИЧ, Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.
- ЗДАНОВИЧ, С.Я. 1984. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: 79–96. Челябинск.
- ИЗОТОВА, М.А., Н.М.МАЛОВ, В.Н.СЛОНОВ. 1993. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести: 110–146. Саратов.
- ИЗОТОВА, М.А., Н.М.МАЛОВ. 1992. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танаевского городища // Археология Восточно-Европейской степи: 96–115. Саратов.
- КОЛОТУХИН, В.А. 1990а. Поселение Бурун-Эли в Северо-Западном Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма: 137–150. Запорожье.
- 1990б. Кизил-Кобинская культура: генетические корни и условия формирования // Советская археология 3: 93–112.
- 1990в. Кизил-кобинский посуд VIII — первой половине V ст. до н. э. // Археология 2: 68–86. Київ.
- КРИВЦОВА-ГРАКОВА, О.А. 1947. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Труды Государственного Исторического музея XVII. Москва.
1949. Поселение бронзового века на Белозерском Лимане // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XXVI: 76–85.
- КУЗЬМИНА, Е.Е. 1962. Новый тип андроновских жилищ в Оренбургской области // Вопросы археологии Урала 2: 9–15. Свердловск.

1964. Андроновское поселение и могильник Шандаша // Краткие сообщения Института археологии 98: 100–106.
- ЛЕСКОВ, А.М. 1970. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма: 7–59. Киев
- МАЛОВ, Н.М. 1987. Хвалынская культура взликовой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье (по материалам поселений) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции (Суздаль, 1987г.): 159–160. Москва: Наука.
- МАМОНТОВ, В.И. 1974. Приморская стоянка // Историко-краеведческие записки Волгоградского обл. музея краеведения II: 97–103. Волгоград.
- МЫСЬКОВ, Е.П. 1992. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Уральском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи: 86–90. Саратов.
- ОТРОЩЕНКО, В.В. 1986. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины: 117–152. Киев.
- ОТРОЩЕНКО, В.В., Н.П.ШЕВЧЕНКО. 1987. О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины: 131–144. Киев: Наукова думка.
- ПОТЕМКИНА, Т.М. 1985. Бронзовый век лесостепного Притобоя. Москва.
- ПРИВАЛОВА, О.Я., А.И.ПРИВАЛОВ. 1987. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины: 94–107, Киев: Наукова думка.
- РОМАШКО, В.А. 1987. Погребение с роговым топором-молотом из Приорелья // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья: 48–54. Днепропетровск.
- САЛЬНИКОВ, К.В. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. Москва: Наука.
- СМИРНОВА, Г.И. 1985. Основы хронологии предкифских памятников Юго-Запада СССР // Советская археология 4: 33–53.
- ТЕРЕНОЖКИН, А.И. 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка.
- ТОЩЕВ, Г.Н., И.Т.ЧЕРНЯКОВ. Культурные зольники сабагиновской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья: 115–138. Киев: Наукова думка.
- УСАЧУК, А.Н. 1989. Новые данные о костяных орудиях ремесленного производства срубной культуры // Тезисы докладов. Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: 125–127. Донецк.
- ЧЕРНЫХ, Е.Н. 1983. Проблема общности культур валяковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья: 81–99. Челябинск.

- ЧЕРНЯКОВ, И.Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев: Наукова думка.
- ШАРАФУТДИНОВА, И.Н. 1968. К вопросу о сабатиновской культуре // Советская археология 3: 16–34.
1962. Степное Поднспровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка.
- ШАРАФУТДИНОВА, Э.С. 1985. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность (Проблемы формирования и периодизации): 146–183. Куйбышев
1990. Эпоха поздней бронзы предкавказских степей (Нижнее Подонье и Северо-Западное Предкавказье) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы 4: 47–52. Ростов-на-Дону.
- 1991a. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья: 70–91. Ленинград: Наука.
- 1991b. Памятники конца эпохи бронзы на Нижнем Дону и в степном Прикубанье // Советская археология 1: 184–196.
- ALEXANDRESKU, A.D. 1978. Sepultures du premier âge du fer à Zimnicca // Dačia N. S.XXII: 115–124. București.
- GEDL, M. 1984. Die Messer in Polen // Prähistorische Bronzefunde VII,4. München.
- HARTUCHE, N. 1983. Raport preliminar asupra săpăturilor de la Silistea: (Naziru) judetul Brăila // Istros II–III: 67–79. Brăila.
- MORINTZ, S. 1987. Hallustatiul timpuriu și mijlociu în zona istropontică // Thraco-Dačia VIII, 1–2: 38–71. București.
- PERONI, V.B. 1976. Die Messer in Italien. I coltelli nell'Italia continentale // Prähistorische Bronzefunde VII,2. München.
- PETRESCU-DIMBOVIȚA, A. 1977. Depozitele de bronzuri din România. București.
- PRENDI, F. 1982. Die Bronzezeit und der Beginn der Eisenzeit in Albanien // Prähistorische archäologie in Südosteuropa. I. Südosteuropa zwischen 1600–1000 v. Chr. Berlin.
- Prüssing, A. 1982. Die Messer im nördlichen Westdeutschland (Schleswig-Holstein, Hamburg und Niedersachsen) // Prähistorische Bronzefunde VII,3. München.
- FLORESCU, A.C. 1991. Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România // Cultura și civilizația la Dunarea de jos 9. Călărași.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ КОНФЕРЕНЦИИ “КОНВЕРГЕНЦИЯ И ДИВЕРГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА – БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ”

ЗАСЕДАНИЕ 22.08.1995 г.

Председатель – В. М. Массон.

Секретарь – И. В. Семенова.

1. В. М. МАССОН. Вступительное слово.

Прежде чем перейти к основной теме, я хотел бы кратко остановиться на двух аспектах. Первое – почему Саратов выбран местом такого совещания. Давние традиции местной гуманитарии, и археологии в том числе, хорошо известны как компонент высоких научных традиций России. Можно вспомнить работы П. Рау и П. С. Рыкова, судьбы которых в 30-е годы сложились весьма трагически. В настоящее время совершенно отчетливо складывается в археологической науке полицентрическая инфраструктура, идущая на смену бюрократической иерархической вертикали, которая в последние годы обладала в большей мере претензиями, чем творческими возможностями. Институт

истории материальной культуры Российской Академии наук, основанный в 1858 г. как Императорская археологическая комиссия и в 1991 г. восстановивший свое положение как самостоятельного научного учреждения в российской академической системе, традиционно развивает такое направление кооперации и координации. Только что я приехал из-под Ижевска, где работает международная трасологическая школа ИИМК при помощи местных спонсоров — Удмуртского государственного университета и Фонда развития гуманитарных наук и образования (фонд Шаталова). В школе занимаются студенты и научные работники 15 различных центров от Сыктывкара до Читы. При Саратовском государственном университете с прошлого года формируется специальный Сектор археологии Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия. Научно-организационно он выходит на ИИМК РАН и его Ученый Совет. Административно и финансово это полностью структура Саратовского университета. Эта новая форма научной кооперации в условиях полицентризма. В порядке реализации этих начинаний мы и проводим нашу конференцию.

Второе — сама проблематика, предлагаемая к обсуждению. Археология восточноевропейских степей достигла больших успехов в систематизации накопленных материалов в такие группировки, как культуры и локальные варианты, много уделено внимания изучению их происхождения и в определенной мере взаимодействию. При расширении спектра интерпретации археологических материалов важной перспективой являются вопросы культурогенеза, культурной трансформации и интеграции. Здесь одно из возможных направлений — изучение процессов конвергенции и дивергенции, которые могут проявляться и в общеисторическом плане и в эволюции (развитии) самих типов артефактов. Но это отнюдь не означает, что этот аспект приобретает характер какой-то обязательной доминанты, вытесняя другие аспекты и возможности. Именно плюралистическим подходом отличается современное методоло-

гическое пространство отечественной археологии. К сожалению, это в меньшей мере касается исторической науки, где сильна “политизация наоборот”, идущая под флагом регионализма, а порой и прямого национализма.

2. Н. Б. ВИНОГРАДОВ. “Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье”.

В. С. БОЧКАРЕВ: Знаком ли Вам материал Н. А. Аванесовой – находка петровской керамики на поселении Тугайное?

– Пока нет.

В. Н. ГОРБОВ: Почему Вы говорите о проникновении не вещей, а населения?

– Население из Центрального Казахстана, проникшее на север вследствие экологической катастрофы, изготовляло ручные реплики гончарных сосудов.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА: Культовая керамика – не местная?

– Это культовая форма посуды местного происхождения.

3. Э. С. ШАРАФУТДИНОВА. “Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье”.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Какова хронологическая позиция покровских памятников Нижнего Подонья?

– Памятники покровского типа (ППТ) датируются XVII – началом XVI вв. до н. э. Возможно, они заходят и в начало XVIII в. до н. э. Поскольку на Северском Донце и Нижнем Дону они поздние, то вполне допустимо, что здесь они находятся в рамках конца XVII – начала XVI вв. до н. э.

И. И. ДРЕМОВ: Все ли комплексы, приведенные на таблицах у Вас, – покровские?

– Поскольку я придерживаюсь концепции эволюции

ППТ в срубную культуру, то вполне правомерно допускать существование памятников со срубно-покровскими чертами. Такие комплексы, наряду с типично покровскими, и представлены у меня на таблицах.

А. Н. УСАЧУК: Деление комплексов на женские и мужские характерно как для Подонья, так и для Северского Донца?

— Да.

4. Р. А. ЛИТВИНЕНКО.

“Территориально-хронологическое соотношение культур мнговаликовой керамики (КМК) и доно-волжской абашевской”.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Какова количественная выборка, использованная для составления карт к докладу?

— Западный ареал (могильники КМК) — около 1500 погребений.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Каковы основания для тезиса о частичном сосуществовании КМК и ППТ?

— Речь идет только о районе Северского Донца: 1) на поселениях синкретичная керамика, 2) стратиграфические данные могильников, 3) датирующие вещи (пряжки и т. п.).

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Какова общая хронологическая протяженность существования комплексов КМК?

— Поселенческий материал почти не подлежит хронологической градации, промежуток между ранними и поздними памятниками КМК не менее 100 и не более 200 лет.

В. С. БОЧКАРЕВ: Что синхронно КМК на Правобережной Украине?

— Катакомбные памятники; и, вероятно, КМК.

5. В. Н. ГОРБОВ. “Культовые комплексы срубных поселений Северо-Восточного Приазовья”.

С. И. ЧЕТВЕРИКОВ: Встречаются ли остатки производственных орудий в жилище 25?

— Там найдены два топора, назначение их непонятно, хотя скорее всего, оба предназначены для хозяйственных

целей.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ЗАСЛУШАННЫХ 22.08.1995 Г.

В. С. БОЧКАРЕВ говорил о теме симпозиума, что она перспективна. Археология в дальнейшем будет развиваться не только на социологическом, но и на типологическом уровне.

По докладу Н. Б. Виноградова: Связи Зауралья с миром Средней Азии наиболее интересны в петровское время. Инициатива контактов исходила с севера, в результате этого проникновения между миром оседлых южных земледельцев и северных кочевников-скотоводов возник целый пояс буферных культур (тазабагьябская и т. п.).

В докладе Э. С. Шарафутдиновой отметил стройность изложения.

Относительно доклада Р. А. Литвиненко отметил, что к доно-волжской абашевской культуре А. Д. Пряхина наука уже не вернется, и докладчик первым правильно отождествил памятники Северского Донца с ППТ. Судя по пряжкам, покровские памятники сменили многоваликовые на переходе от раннего к позднему этапу.

По информации В. Н. Горбова заметил, что, чем независимее будут аналогии, тем основательнее вывод.

И. И. ДРЕМОВ (замечания по докладам Э. С. Шарафутдиновой и Р. А. Литвиненко) согласился с В. С. Бочкаревым, что собственно абашевцев в Нижнем Поволжье нет. Однако в последнее время здесь появились памятники, где покровские и срубные комплексы оказываются одновременными. Кроме того, если погребения с небольшим числом покровских признаков относить к ППТ, что же останется от срубной культуры? Уже 5–10 лет назад материалы Нижнего Поволжья позволяли сделать вывод, что памятники с материалами, аналогичными донским и средне-волжским абашевским, на Нижней Волге собственно аба-

шевскими не являются. Вызывал сомнение и термин “срубно-абашевские”, так как подразумевал, что ранние памятники срубной культуры должны были предшествовать материалам с абашевскими чертами, что при анализе не подтвердилось. Ныне уже не кажется очевидным, что абашевские черты в материалах поздней бронзы Поволжья являются индикатором самых ранних этапов сложения срубной культуры. В одних и тех же комплексах нередко встречаются материалы как с выраженными “абашевскими” чертами, так и с выраженными чертами срубной культуры. Кроме того, при раскопках памятников предшествующей эпохи — средней бронзы — мы нередко сталкиваемся с керамикой, мало чем отличающейся от “срубно-абашевской” или раннесрубной.

В связи с этим представляется обоснованным использование термина “ППТ”, однако при этом возникают определенные сложности. Под материалами покровского типа стали нередко понимать не только объекты с абашевскими чертами, но и прочие комплексы, содержащие либо набор выразительного инвентаря, либо керамику с абашевскими чертами, либо иные ранние признаки. Таким образом, на долю срубной культуры остаются лишь маловыразительные и неопределимые комплексы, и термин ППТ охватывает все материалы срубной культуры раннего периода, а от срубной культуры практически ничего не остается. На мой взгляд, целесообразно срубной культурой называть весь комплекс материалов эпохи поздней бронзы степного Поволжья, подразделяя отдельные материалы на типы или группы: покровского типа (т. е. с абашевскими чертами), петровского, ново-кумакского, синташтинского, потаповского и т. д., учитывая, что все это разнообразие материалов в Поволжье относится к раннему этапу срубной культуры и нередко встречается на одних и тех же памятниках и даже в закрытых комплексах.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА возразила И. И. Дремову, что, если, например, типично срубные банка или остроре-

берный сосуд происходят из комплекса с четкими покровскими чертами, весь комплекс относится к покровскому культурному типу и демонстрирует собой возникновение, зарождение в своей среде баночных и острореберных типов, которые продолжают свое существование в срубной культуре, где они становятся ведущими. Срубные памятники, как признает сейчас и Н. М. Малов, восходят к покровским.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ ответил В. С. Бочкареву о своем согласии с тезисом: универсальное правило в том, что подвижное скотоводческое население более активно в плане миграций, нежели оседло-земледельческое. В основном проникновение шло с севера на юг, но были и возвратные движения. Если мы посмотрим внимательнее на бишкульскую посуду, то увидим, что она явится логическим продолжением местной алакульской гончарной традиции, чего нельзя сказать о посуде погребальной. Престижные формы (погребальная посуда) — явная новация, пришедшая в Южное Зауралье с юга (из Центрально-казахстанских степей) как в результате разнообразных контактов (обменных, семейно-брачных и т. п.), так и в результате непосредственного физического проникновения с юга в Южное Зауралье. Относительно сложения “классических” федоровских форм в Центральном Казахстане, нужно иметь в виду, что развитие животноводческих обществ в Центральном Казахстане и Южном Зауралье в этот период бронзового века шло в принципе в одном направлении, но с разной скоростью, и новации, в частности, в керамике Центрального Казахстана проявились ранее, чем в степях Южного Зауралья.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ ответил В. М. Массону по вопросу о тенденциях социальной стратификации: в Синташте вождество не могло проявиться в такой степени, как в других степных обществах этого времени. Синташта — это специализированное общество, основу жизни которого составляли металлургия и металлообработка. Инсигнии власти в

синташтинских памятниках имеются и в коллективных погребениях. Выступающий склонен согласиться с тезисом о синхронности Покровска и Синташты.

Замечание по докладу В. Н. Горбова: не нужно торопиться с интерпретацией.

Замечание по докладу Р. А. Литвиненко: подобные сообщения – катализатор развития археологии как науки.

Р. А. ЛИТВИНЕНКО ответил В. М. Массону: существует несколько систем периодизации могильников КМК (как двух-, так и трехчленных), и у некоторых авторов (И. А. Пислария, О. Р. Дубовской) намечается средний горизонт, к которому можно отнести пряжки (к этому мнению склоняется и сам выступающий). Относительно направленности развития связей столовой и кухонной керамики: аналогичная ситуация в Степном Поднепровье, где достоверно срубная керамика широко известна в могильниках, а на поселениях этой же территории не встречается.

В. С. БОЧКАРЕВ предложил В. Н. Горбову в название его доклада внести термин “Неординарные комплексы”.

Заключительное слово В. Н. ГОРБОВА по своей информации: На мой взгляд, важно для начала выяснить, что данный комплекс носит знаковый (ритуальный) характер. Мы не всегда можем выяснить семантику комплекса, но и в “очевидных” случаях не стоит торопиться с интерпретациями.

ЗАСЕДАНИЕ 23.08.1995 г.

Председатель – Э. С. Шарафутдинова

Секретарь – И. В. Семенова

И. В. В. ФИЛИППЧЕНКО. “Мозаика культур волго-донской культурно-исторической области в эпоху средней бронзы”.

В. С. БОЧКАРЕВ: Как далеко заволжская катакомбная группа распространяется на север и восток?

— Северную границу определяет грунтовый могильник Калач в Духовницком районе Саратовской обл., южную — курганный могильник Старая Полтавка в Волгоградской обл., а на правом берегу Волги — Утес Степана Разина, Андриановское городище, грунтовые могильники Белогорское I и II. Восточная граница включает курганный могильник I у с. Советское Советского р-на Саратовской обл. Все это ранние катакомбные памятники, поздних в Заволжье мало. Западная граница пока достаточно четко не определяется из-за неисследованности Волго-Донского междуречья.

В. С. БОЧКАРЕВ: Каковы, по Вашему мнению, самые поздние погребальные катакомбные памятники?

— Это, например, грунтовый могильник Белогорское I: небольшие ямы, северная ориентировка, керамика вольского типа. Кроме того, это курганная группа у с. Рыбушка, курганная группа Большая Дмитриева I, курганная группа Усть-Курдюм I и, очевидно, курганная группа у с. Букатовка.

2. О. В. КУЗЬМИНА. “Абашево” и “Покровка”.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Учитываются ли абашевские древности в целом при сравнении их с покровскими древностями?

— Поскольку средневожские памятники более ранние, чем южноуральские, то покровские древности сопоставляются с южноуральскими.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Повлияла ли на сложение покровской металлообработки еще какая-нибудь традиция, кроме абашевской?

— Повлияла сейминская традиция.

В. Н. ГОРБОВ: Откуда берутся в срубной культуре очковидные витые подвески?

— Для срубной культуры не характерны витые подвески из проволоки. Эти подвески везде различаются (количеством витков, размерами); к востоку эти подвески мельче.

В. Н. ГОРБОВ: Время исчезновения витых подвесок?
— Алакульская культура.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Какие маркирующие предметы из металла встречены в абашевских комплексах вместе с абашевской керамикой?

— В Верхне-Кизильском кладе: наконечник копья, ножи, однолезвийные ножи-серпы, тесла, украшения (гривны, браслеты, бляшки-розетки, очковидные подвески). В погребениях Нижне-Чуракаевского, Чукраклинского, Набережного, Старо-Ябалыклинского, III Красногорского, Никифоровского могильников: ножи, тесла, украшения.

Н. Б. ВИНОГРАДОВ: Какие центры абашевской металлургии и металлообработки можно назвать на Южном Урале?

— Это Баланбаш, Тюбяк; все центры металлургии — на Южном Урале; поэтому на Средней Волге нет поселений абашевской культуры. Но южноуральская керамика имеет средневожские признаки. В Свердловской обл. на поселении Серный Ключ встречены металлургические формы вместе с острореберным абашевским сосудом.

О. В. ДУБИНЕЦ: Сохраняются ли на поселенческих материалах показанные в докладе отличия покровской керамики от абашевской из погребений?

— На поселениях представлены все формы.

О. В. ДУБИНЕЦ: Единичные случаи или некий процент составляют на абашевских сосудах внутренние желобки и уступчики? На каких формах они располагаются?

— Коротенький отогнутый венчик (с желобком или без) — признак только одной группы посуды. Это скорее технологический признак, выработанный самими покровцами.

О. В. ДУБИНЕЦ: Какой процент в абашевской керамике составляют желобки, расположенные на внешней стороне банок?

— В Синташте — желобок за счет налепа валиков, в “Покровке” желобок проглаженный, рельефного орнамен-

та нет.

А. Н. УСАЧУК: Как Вы думаете, идет ли увеличение количества костяных изделий в покровское время по сравнению с абашевским?

— Абашево и “Покровка” — и те, и другие скотоводы, но направленность хозяйства у них разная. С Синташтой и “Покровкой” связан новый взлет скотоводства и связанный с этим взлет косторезного ремесла.

3. А. Н. УСАЧУК. “Различия в косторезном производстве двух регионов срубной культуры”.

Н. М. МАЛОВ: Не пытались ли Вы проверить, не связано ли использование под тупики в основном левой челюсти с тем, что большинство людей не левши, а правши?

— Да, действительно. Определения сырья для изготовления тупиков из наших поселений, проведенные С. П. Масловым и Е. Е. Антипиной, показывают, что именно из-за правосторонности нужны изогнутые слева направо левые половинки нижних челюстей крупного рогатого скота.

Н. М. МАЛОВ: Не обусловлено ли различие в сырье составом стада?

— Скорее всего, нет, поскольку процент использования кости в качестве сырья для изготовления орудий очень небольшой по сравнению с общим количеством костей животных на поселениях. Вероятнее всего, за использованием различных групп костей животных в качестве сырья стоят традиции обработки кости по регионам и даже по поселениям.

4. В. С. БОЧКАРЕВ. “Сравнительная характеристика металлических серпов эпохи бронзы Волго-Уральского региона, Карпато-Балканского бассейна и Северного Кавказа”.

Н. М. МАЛОВ: Как соотносятся выделенные Вами типологические группы с химическими группами по Е. Н. Черныху?

— Химические группы не работают.

Н. М. МАЛОВ: Почему у Вас серп из раскопок Н. К. Арзютова близ Аткарска (из покровского комплекса) типологически абашевский, ведь у Вас Покровск позже Абашево?

— Это нож. Бывают погребения, в которые клали обломки серпов, тогда они использовались в качестве ножа. Известен случай, когда серп использовался даже в качестве подвески. Серпы чисто срубные, возможно, появились еще в позднепокровское время: клад Ериклы.

Н. М. МАЛОВ: Могли ли серпы, как утверждается порой в литературе, использоваться как оружие?

— Каждая разновидность серпа использовалась для различных функциональных целей. Как отдельное оружие серпы не применялись, но на колесницах в античное время устанавливались. Есть огромные серпы до 40 см; а маленькими серпами нельзя срезать даже солому (только колоски).

А. Н. УСАЧУК: Влияет ли устройство (в частности, изгиб спинки серпа) на его производительность?

— Правило состоит в том, что ранние серпы слабо изогнуты. Что касается формы изгиба (симметричный, асимметричный, коленчатый), то она на производительность не влияет.

О. В. КУЗЬМИНА: Что Вы можете сказать о серпах с Царева кургана?

— Царев курган — неясный комплекс. Может оказаться, что серпы типа серпа из Покровска, опубликованного у П. Д. Степанова (по форме срубные, но с насадом-штырем),

происходят от костромских, распространенных на Северном Кавказе. Позже Покровска находки серпов в погребениях исчезают, серп из Кочетного — позднепокровский.

5. В. Н. ГОРБОВ. “Сабатиновская культура: возвращаясь к культурным индикаторам”.

В. С. БОЧКАРЕВ: Насколько полно проведено сравнение срубной и сабатиновской культур?

— Я использовал те признаки, которые предложены в литературе. Моя задача — показать, что они не работают и к ним нужно подойти с других позиций. Мой доклад — первый шаг на пути детального сравнения.

В. С. БОЧКАРЕВ: Где восточная граница Сабатиновки?

— Эта граница восточнее Днепра, но не по реке Берде. Она, вероятно, “размыта”. От Днепра до Берды — контактная зона.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА: Могли ли влияния, прослеживаемые в керамике Северо-Восточного Приазовья с западным и восточным регионами, объясняться пограничным расположением данного региона, который входит в позднесрубный ареал?

— Тесные контакты в Крыму между Днепром и Бердой — но не влияния!

ЗАСЕДАНИЕ 24.08.1995 г.

Обсуждение докладов, заслушанных 23.08.1995 г.

Председатель — Н. М. Малов

Секретарь — И. В. Семенова

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА особо выделила доклад **О. В. Кузьминой**, который был посвящен сопоставлению абашевских и покровских вещевых комплексов. Выступающая остановилась на сопоставлении абашевской и покровской керамики. По ее мнению, на этом сопоставлении наглядно продемонстрирована одна из сторон культурогенеза (фор-

мирование покровского культурного комплекса). Композиционно доклад построен удачно, его положения хорошо фундированы.

По докладу Р. А. Литвиненко: независимо от исследований коллег, докладчик — и это ценно — выделил на Северском Донце ППТ. Мой совет докладчику — не спешить с выделением этапов и дробной периодизацией по отдельным регионам одной культурной общности. Многие из выделенных ранее этапов и периодизаций устарели не только в связи с временным фактором, но и из-за поспешности и ошибочности их построения. В моем представлении, ППТ сменили КМК на Северском Донце на ее последнем этапе, т. е. сменили позднюю КМК. Это хорошо прослеживается по пряжкам, разработанная типология которых наглядно продемонстрировала направленность изменения их формы. О границах синхронных культур: в тех случаях, когда территория с памятниками поздней КМК содержит также и ППТ, мы не можем считать эти памятники синхронными. Синхронными мы можем считать их в том случае, когда западная граница распространения ППТ примыкает (это имеет место на Восточной Украине) к восточному краю ареала КМК.

По докладу В. Н. Горбова: докладчик впервые планомерно осуществляет полные исследования поселений позднесрубной культуры в Северо-Восточное Приазовье, одно из них уже полностью раскопано. Северное Приазовье отличается от Нижнего Подонья лишь тем, что здесь на позднесрубных памятниках ощущается соседство сабатиновской культуры, родственной позднесрубной, но измененной при взаимном влиянии с культурами к западу от нее. Во всяком случае, кухонная керамика и погребальный обряд сабатиновской культуры такие же, как и в позднесрубной. То же касается и широко распространенных категорий металлических изделий (наряду с появлением новых типов и категорий в сабатиновской культуре).

По докладу В. С. Бочкарева: аналитические таблицы к

докладу содержат огромный материал, и была бы очень ценна их публикация (как и текста). Тема всестороннего анализа серпов эпохи поздней бронзы содержит также ряд аспектов, рассмотренных В. С. Бочкаревым (но не вошедших пока в доклад), которые касаются технологии металлургического производства, системы хозяйства и социальной структуры того общества.

В. С. БОЧКАРЕВ присоединяется к мнению Э. С. Шарафутдиновой, о том что доклад О. В. Кузьминой хорошо сделан и по логике изложения, и по фундированности, здесь осуществлен переход к аналитическим выводам.

Такой же подход продемонстрировал и В. Н. Горбов. Признаки сабатиновской культуры И. Н. Шарафутдинова сформулировала в очень общей форме, в полемике с А. М. Лесковым. В докладе же В. Н. Горбова сопоставлены деталь за деталью, здесь систематическая работа. В. С. Бочкарев выразил надежду, что это только первые шаги. Поздняя бронза начинается от Синташты и Покровска, но не от Абашево. С системой этих культур наблюдается неординарный случай: эволюция металла отстает от эволюции керамики, а ведь в классических периодизациях (Рейнеке, Монтелиуса) упор сделан на металл, так как он эволюционирует быстрее всего (особенно украшения). Выступающий остановился на термине “срубно-абашевский”. Он предлагает заменить его “покровской культурой”, так как Покровск как культурный тип имеет собственный облик. Это — не результат срубного и абашевского скрещивания, так как в Покровске есть элементы, полностью отсутствующие как в срубной, так и в абашевской культурах. Уральские археологи считают даже, что Абашево возникло под влиянием Синташты. По мнению В. С. Бочкарева, это явное недоразумение.

По докладу Р. А. Литвиненко: В эпоху поздней бронзы была освоена открытая маловодная степь. В федоровское время скотоводы эпохи поздней бронзы проникли до р-на

Пенджикента. В результате возникла серия гибридных, буферных культур. Но буферные культуры невозможно свести к какому-либо одному истоку. То же — в Сибири (буферные культуры, которые андроновские и не андроновские, местные и не местные). И на Северском Донце новые культуры возникли под импульсом степного мира. То же — на западе (под влиянием импульса с востока). Сабатиновка — это тоже буферная культура.

По докладу А. Н. Усачука: изучение костяной индустрии — важный аспект исследований. Мы видим, как массовый материал, казалось бы, аморфных орудий даст великолепную информацию. Нужно заняться также технологическим изучением костяных пряжек, это дало бы выход на археологическую типологию.

А. Н. УСАЧУК (ответ В. С. Бочкареву): Трасологическое изучение пряжек уже ведется, причем в работе находятся экземпляры из Молдавии, Поднепровья, Донбасса. Хорошо было бы, пользуясь случаем, просмотреть пряжки Поволжья. Думаю, в скором времени мне удастся что-либо сказать по креплению пряжек, продолжая разработки В. С. Бочкарева и Я. П. Гершковича.

По докладу В. Н. Горбова: Хорошо, что В. Н. Горбов еще раз обратил внимание на термин “косторезное производство”. Ведь если убрать орудия из кости для кожевенного производства, то в косторезном производстве не останется почти ничего. Правомерен ли сам термин, если косторезное производство носит подчиненный (для обработки кожи) характер? Очевидно, что следует более осторожно подходить к привычным терминам. Обработка кости была развита и у срубников, и у сабатиновцев, но развита по-разному, и нельзя сказать, у кого выше. Хронологически косторезное производство в срубной культуре сохраняется более длительное время, чем в сабатиновское. В белозерское время, вопреки привычному утверждению, идет не упадок, а всплеск обработки кости.

А. Н. Усачук (по тезисам В. С. Бочкарева): Почему

исчезла элита в Волго-Уральском очаге культурогенеза?

В. С. БОЧКАРЕВ: В Карпато-Дунайском регионе очаг культурогенеза оказал огромное влияние на северную часть Восточной Европы и западную часть Восточной Европы. Такое же огромное влияние на восточный мир оказал Волго-Уральский очаг культурогенеза. Колесница — это мощнейший признак элитарности, творец Волго-Уральского очага культурогенеза — колесничная элита. Расцвет и гибель очагов предопределены были расцветом и гибелью этой элиты. Если в Карпато-Дунайском регионе гибель аристократии связана с вторжением курганной культуры, то относительно Волго-Уральского очага можно только констатировать, что элита исчезла; ее идеологию сменила эгалитарная, проявляющаяся в погребальном обряде. По Е. Е. Кузьминой, часть элиты ушла в Иран и Индию; но то, что Южный Урал — прародина индоиранцев — факт не доказанный. Согласно другой гипотезе, к гибели Волго-Уральского очага привели социальные причины, но и это предположение требует доказательств.

В. Н. ГОРБОВ ответил **В. С. Бочкареву:** Говоря о западном и восточном мирах, следует учитывать разные уровни сравнения. Если мы берем культуры бронзового века, условно говоря, западнее Дуная в сравнении со срубной и сабастиновской культурами, то последние будут восприниматься как близкие между собой (по контрасту с западными). Но если мы сравниваем Ноа-Кослоджень-Сабатиновку со срубной и андроновской культурами, становятся очевидными существенные различия. Именно на этом уровне сравнения я говорю о “западном” (Ноа-Кослоджень-Сабатиновка) и “восточном” (срубно-андроновском) мирах.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА (заключительное слово): Поздние покровские памятники периферии (Северский Донец и Нижний Дон) демонстрируют нам еще раз механизм культурогенеза: перерастание ППТ в срубную культуру. Но процесс этот на периферии был не такой интен-

сивный, как в зоне основного ареала ППТ, и он мог, видимо, здесь совпасть с распространением раннесрубной культуры с северо-востока и востока. Не случайно раннесрубная культура в этой, западной части своего ареала хорошо представлена на своем следующем, предсабастиновском этапе.

В отношении абашевской культуры могу сказать, что, вероятно, эта культура явилась своеобразным инициатором в процессе возникновения-формирования ППТ и Синташты. Однако, это отнюдь не исключает присутствие и других субстратов и компонентов конца эпохи средней бронзы в ППТ и Синташте.

Р. А. ЛИТВИНЕНКО о докладе О. В. Кузьминой: Это просвещение несведущих и убеждение колеблющихся. Теперь Ольга Викторовна должна детально разобрать доноволжскую абашевскую культуру.

По докладу В. С. Бочкарева: Доклад важен в методическом плане как школа работы с массовым материалом. Р. А. Литвиненко считает, что в ближайшее время археологи еще все не придут к единству терминологии, хотя А. Д. Пряхин уже как будто принимает термин "Покровск".

Керамика в покровских комплексах существенно отличается от донских и волжских. В целом необходима типология всех артефактов, происходящих из покровских древностей.

По проблеме древностей поздней бронзы Степного Поднепровья: в обобщающих изданиях и некоторых специальных работах (в частности, С. С. Березанской) сообщается о том, что срубная культура на Украине есть только в лесостепи, а памятники степной зоны представляют собой непонятное культурное явление, во всяком случае, не срубное. Если поселения срубной культуры Приазовья, раскапываемые В. Н. Горбовым, стали известны только в последнее время, то многочисленные срубные могильники с характерной классической посудой из степной части Украины известны уже давно. Он занимают область всего

Левобережного Поднепровья и выходят на Правобережье. Парадокс ситуации в том, что поселения позднебронзового века той же территории практически не имеют срубных черт и носят более западный, сабастиновский облик. Вместе с тем, в Приазовье и Левобережном Степном Поднепровье представлены могильники, известные в степи Правобережной Украины. Они характеризуются невыразительной баночной и горшковидной керамикой. Если на Правобережье в ареале сабастиновской культуры их можно уверенно атрибутировать как сабастиновские, то в контактной зоне Левобережья однозначная атрибуция затруднительна. Вместе с тем типология “невыразительной” керамики может дать положительные результаты, необходимо только ее сделать. Во всяком случае, по профилированным формам, вероятно, можно будет выделить срубный и сабастиновский типы. Кроме того, на этих невыразительных формах в Степном Поднепровье нередко встречается налепной валик. Территориальное распространение этого способа орнаментации имеет определенные закономерности. Наибольшая концентрация приходится на могильники Степного Поднепровья, в восточном и северо-восточном направлении частота встречаемости валика на погребальной посуде постепенно уменьшается. На Нижнем Дону и Северском Донце валик встречается уже довольно редко, а далее к востоку известен в исключительных случаях. Срубный же элемент в керамике, напротив, ослабляется с востока на запад.

По поводу выступления Э. С. Шарафутдиновой о Покровске на периферии: Э. С. Шарафутдинова начинает с керамики, а когда мы совместно рассматриваем какие-нибудь комплексы, то отсутствует единое мнение по вопросу об их культурной атрибуции в качестве покровских. Причина — в отсутствии типологии покровской керамики. Ее сделать довольно сложно, особенно для периферийных регионов, поскольку наблюдается локальное своеобразие покровских памятников (на Северском Донце, например).

Мне кажется, вряд ли абашевскую культуру можно

считать инициатором сложения Синташты и Покровска. Роль абашевской культуры в качестве одной из подоснов — это совсем иное дело. Вряд ли лесное население с его характером социальной организации и хозяйственно-культурным типом могло дать импульс для таких глобальных изменений. Этот импульс возник именно в степной или лесостепной зоне.

О докладе В. Н. Горбова: Нужно продолжать проработку материала, чтобы это был целостный комплексный анализ на уровне О. В. Кузьминой.

Замечание к докладу Э. С. Шарафутдиновой: Во многих археологических культурах можно выделить по инвентарю мужские и женские захоронения, но для этого необходимы антропологические подтверждения (так как на Северском Донце, в частности, срубные погребения с иглой и шилом исключительно не женские, а мужские; по определению Е. А. Шепель).

О докладе В. В. Филиппченко: Жаль, что нет иллюстраций. Мозаика предполагает расположение цветов на одной плоскости. Применительно к нашей ситуации выделенные культурные образования должны находиться в одном хронологическом срезе. Этого в докладе не было продемонстрировано. Три из названных докладчиком культур, возможно, не стыкуются. Если это не так, нужно доказать данными курганной стратиграфии, датирующими вещами. Поэтому в данном случае нет оснований для обсуждения. Что подстилает на Волге Покровск, куда доходят комплексы КМК, отделяются ли они от позднекатакомбных?

В. В. ФИЛИППЧЕНКО ответил на предыдущее выступление: Левобережные погребения эпохи средней бронзы практически идентичны с правобережными и сходны со среднедонской культурой, где тоже подбой — катакомбы. Заволжские же памятники сходны с приуральскими, которые уральские исследователи считают позднеямными. По мнению В. В. Филиппченко, степные донские памятники будут схожи с Полтавкой. Выступающий считает ниже-

волжскую Полтавку синхронной предкатакомбным памятникам. В заволжской группе финальных погребений почти нет, они в основном в поволжской правобережной группе. Наиболее поздняя керамика тяготеет там к вольской. Относительно погребального обряда нужно отметить, что все время сохраняется группа левобочных погребений с северо-восточной ориентировкой, их количество особенно возрастает к финалу периода. Покровск не рождается из катакомбников эволюционным путем. В. В. Филиппченко не склонен выделять как культуру КМК, данные памятники считает позднекатакомбными. Одним из самых поздних позднекатакомбных погребений считает “Жареный Бугор”.

О. В. КУЗЬМИНА (заключительное слово): Покровск — это новое культурно-хронологическое явление, так как он имеет индивидуальные черты во всех аспектах (погребальный обряд; керамика, через которую Покровск вписывается в круг культур КМК, Синташта, так как здесь на всех уровнях сложилась новая система в форме, орнаментации и т. п. ; оружие, для которого отмечается появление ребер жесткости; орудия труда; украшения, где появляется новый гарнитур — новая система украшений; костяные изделия, где складываются новые типы). В своем докладе О. В. Кузьмина называла покровские памятники раннесрубными не потому, что считает их таковыми, а потому, что так их называют в научной литературе.

Т. Ф. БУКИНА: Изучаются ли на генетическом уровне древние люди — ведь проведены уже такие исследования в отношении ракушек юрского периода, насчитывающих миллионы лет?

Ведется ли изучение патологических изменений скелетов древних людей? Изучаются ли отолиты, апатитовый песок в мозге?

Проводится ли на структурном уровне изучение минерального сырья (мела, глины)?

Определяется ли источник минерального сырья для изготовления древних каменных орудий труда?

Сопоставляются ли ареалы обитания древних племен с геопатогенными зонами (где имеются геотектонические разломы)?

В. С. БОЧКАРЕВ (ответ Т. Ф. Букиной): Применение методов естественных наук зависит от финансового состояния науки. Генетические исследования очень дорогие, но они проводились английскими учеными. В результате подтвердилась моноцентристская теория происхождения человека. На Западе проводятся палеоэкологические исследования, анализируются древние почвы. Геологические исследования выполнялись при изучении древних шахт. В Африке проводились и рифтовые исследования (одна из гипотез связывает с наличием рифтов мутации древних людей). В нашей стране с костей древних людей в Среднем Поволжье сделали шлифы, и в Оксфорде с их помощью получили даты по радиоуглероду. Благодаря дендрохронологической шкале есть возможность корректировать эти даты. У нас проанализирована сейчас металлографически каждая наиболее значительная находка древней металлической вещи. Петрунь выполнял определения каменных литейных форм, установил, что это тальковый сланец. Бобринский занимается минералогической технологией.

В. Н. ГОРБОВ (ответ Т. Ф. Букиной): В работе Новоазовской экспедиции участвуют геофизики, палеозоологи, палинологи. Древние люди, как удалось установить, учитывали наноструктуру сырья.

Т. Ф. БУКИНА пригласила археологов Саратова прислать к ней на обучение сотрудников научно-исследовательской археологической лаборатории Саратовского государственного университета.

Н. М. МАЛОВ сказал, что в докладе В. В. Филиппченко развит его, Малова, старый тезис о том, что КМК в Поволжье нет, у нас это волго-донская катакомбная культура. В Нижнем Поволжье подстилающий пласт Покровска — катакомбный. На Средней Волге это, может быть, Абашево. На Правобережье Нижней Волги Абашево моложе

катакомбной культуры. Появление могильника Подклетное позволило А. Д. Пряхину строить свою концепцию развития Абашева. По Н. М. Малову, для Покровска главный индикатор – погребальный обряд и лишь затем керамика. А по этому признаку оказывается, что на Среднем Дону погребения вытянутые, в Покровске же – скорченные на левом боку. Нередко авторы думают, что раз богатое погребение – значит, покровское, а это далеко не всегда так. Вождества появились уже в энеолите (Хвалынский могильник), поэтому генезис “Покровки” выступающий связывает с закономерным развитием обществ древних скотоводов. После Покровска наступает не стагнация, а стабилизация (расцвет): ведь именно в срубное время появляется масса памятников в степи. Цивилизация ли Покровск? А. Тойнби считал общества кочевников неурбанистическими цивилизациями. Для самого выступающего на смену марксистско-ленинской методологии пришла “школа анналов”.

В. В. ФИЛИППЧЕНКО ответил, что в раннекатакомбных памятниках много элитарных погребений с оружием, как и в покровских.

В. Н. ГОРБОВ сказал, что нужен четкий критерий элитарности.

По мнению В. С. БОЧКАРЕВА, говоря об элитарности, нельзя замыкаться только на погребениях, нужен комплексный подход. Например, элитарному обществу присущи клады-сокровища типа Бородинского. А вот Сосново-Мазинский клад зарыт не обязательно аристократией, хотя кинжалы – дорогое оружие. В эпоху поздней бронзы освоение открытых степей привело к появлению кочевников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
С.Н. БРАТЧЕНКО. ПРЯЖКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ИХ СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ФОРМЫ . . .	8
О.В. КУЗЬМИНА. СООТНОШЕНИЕ АБАШЕВСКОЙ И ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУР	27
В.Н. ГОРБОВ. К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ АТТРИБУЦИИ ПОСЕЛЕНИЯ НА БЕЛОЗЕРСКОМ ЛИМАНЕ	52
ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ КОНФЕРЕНЦИИ “КОНВЕРГЕНЦИЯ И ДИВЕРГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА – БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ”	73

CONTENTS

EDITORIAL	5
S. N. BRATCHENKO. LATE BRONZE AGE CLASPS AND THEIR NOTHERN CAUCAUSIAN FORMS	8
O. V. KUZMINA. THE "ABASHEVSKAYA" AND "POKROVSKAYA" CULTURES CORRELATION	27
V. N. GORBOV. TO THE PROBLEM OF CULTURAL ATRIBUTION OF THE SITE ON BELOZERSKI LIMAN	52
DISCUSSION	73

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ ИИМК РАН

Вып. 1 Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л. 1991

Вып. 2 Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова). СПб. 1992

Вып. 3 Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. Л. 1991

Вып. 4 Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции. СПб. 1992

Вып. 5 Л. Я. Крижевская. Начало неолита в степях Северо-Восточного Причерноморья. СПб. 1992

Вып. 6 В. Я. Шумкин. Каменный век Восточной Лапландии. В печати.

Вып. 7 Г. Н. Курочкин. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб. 1993

Вып. 8 М. Д. Хлобыстина. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб. 1993

Вып. 9 К. Х. Кушнарева. Южный Кавказ в IX—II тыс. до н. э. СПб. 1993

Вып. 10 AD POLUS. Сборник статей памяти Л. П. Хлобыстина. Изд-во "Фарн". СПб. 1993

Вып. 11 Проблемы культуругенеза и культурное наследие. Ч. I—III. Материалы к конференции. СПб. 1993

Вып. 12 Изучение памятников морской археологии. СПб. 1993

Вып. 13 Взаимодействие культур и цивилизаций и ритмы культууроге­неза. Материалы методологического семинара. СПб. 1994

Вып. 14 Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму 5–7 апреля 1994 г. СПб. 1994

Вып. 15 Н. Ю. Кузьмин. Курган у деревни Новомихайловка (проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н. э.). СПб. 1994

Вып. 16 *New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. СПб. 1994

Вып. 17 М. Д. Хлобыстина. Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. СПб. 1994

Вып. 18 Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний "круглого стола" 22–24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). СПб. 1994

Вып. 19 А. В. Субботин. Основные принципы компьютерной обработки массового тагарского материала (реферативное изложение). СПб. 1994

Вып. 20 Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб. 1995

Вып. 21 Изучение памятников морской археологии. Т. 2. СПб. 1995

Вып. 22 Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия (материалы пленума ИИМК. 11–14 апреля 1995 года). СПб. 1995

Вып. 23 М. Д. Хлобыстина. Погребальные ритуалы первобытных эпох. Археология, этнография, фольклор. В печати.

Вып. 24 Южная Сибирь в древности. В печати.

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

планируют провести в октябре 1996 г. в г. Санкт-Петербурге научную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Александра Александровича Иессена

**МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЕВРОПОЙ.
КАВКАЗ В IV—I ТЫС. ДО Н. Э.**

Заявки на участие в конференции и тезисы докладов (3 стр. через 1,5 интервала: около 6500 зн. на компьютере + 1—2 штриховые иллюстрации) направлять до 1 мая 1996 г. по адресу: Россия, С.-Петербург, 191186, Дворцовая наб. 18, ИИМК РАН, оргкомитет конференции, М. Б. Рысину

Отпечатано на ризографе ТОО «ВИЧИ»
Тираж 300 экз.
РОССИЯ 190000 С-Петербург, ул. Галерная, д. 4.
Тел. 311-49-71, факс: 210-91-92.